

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

АНДРЕЙ ГРЕБЕНЩИКОВ
ОБИТЕЛЬ СНОВ

 FUTURE CORP.

Андрей Гребенщиков
Обитель снов
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»
Серия «Ниже ада», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806853
Гребенщиков, А.А. Метро 2033: Обитель снов: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078010-5

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Кому нужен антиквариат в постапокалипсисе? Не автомат или ботинки, сделанные еще до ядерного армагеддона, а настоящий, вроде мобильного телефона или цифрового фотоаппарата? Никому? Преуспевающий бизнесмен Александр Кузнецов со станции московского метро Бульвар Дмитрия Донского, или просто «Дон», может с этим поспорить. Дело уважаемого антиквара столь прибыльно, что его единственный родственник и наследник, юный племянник Ник, по меркам Метро вполне может считаться «золотой молодежью» и жить припеваючи. И вдруг все меняется – настолько резко, что дух захватывает. Кто виноват? Злой случай? Судьба? А может, ответы хранятся в маленькой черной коробочке?..

Содержание

Новости из прошлого	4
Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Гребенщиков

Метро 2033: Обитель снов

Посвящаю моим родителям

Новости из прошлого

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Про «Обитель снов» Андрея Гребенщикова, роман, который вы сейчас держите в руках, сказать можно просто: это однозначно будет одна из самых ярких книг нынешнего года, и на «Лучшей книге Вселенной»-2013 всегдашнему фавориту премии Андрею Дьякову придется туго. Теперь – к другим новостям. Потому что новостей на сей раз накопилось столько, что в этом введении буду ими просто делиться, и все. Никаких программных статей, которыми я бомблю вас обычно. Если вы впервые читаете это мое обращение сразу после выхода «Обители снов», из этой статьи вы узнаете, что вас ждет в ближайшем будущем, и сможете подивиться на громаде наших планов. А если купили ее в букинистическом магазине году этак в две тысячи тридцатом, тоже не беда: можете сверить наши достижения с нашими намерениями.

Во-первых, выходит игра Metro: Last Light – «Метро 2033: Луч надежды», – сценарий которой я написал, основывая его на... Нет, пока об этом говорить все еще слишком рано (если, конечно, вы еще не в две тысячи тридцатом году; а если вы уже в нем, простите, – не хочу портить сюрприз тем, кто пока еще в две тысячи тринадцатом)... Так или иначе, игра вышла отличная, к вящей всемирной славе нашего мегаломанского проекта. И если она возьмет штурмом топы (а мне из моего февраля тринадцатого года сие пока неизвестно) по всему миру, то нас ждет и еще несколько игр-продолжений, действие которых будет разворачиваться по всему миру.

Во-вторых, онлайн-игра «Вселенная Метро 2033» в ближайшее время перезапустится на нашем обновленном портале Metro2033.ru – и обновление этого портала уже само по себе – в-третьих. В-четвертых, мы запускаем собрание коллекционных изданий романов «Вселенной», в котором будут под одной обложкой выходить сразу трилогии. Начиная с «Темных туннелей» Сергея Антонова (кстати, поздравьте его с переводом его книги на немецкий), продолжая «К свету»/«Во мрак»/«За горизонт»-ом Андрея Дьякова, «Севером» Андрея Буторина, романами Анны Калинкиной и Дениса Шабалова (когда третьи части их трилогий будут напечатаны по отдельности).

В-пятых, сейчас, в феврале две тысячи тринадцатого, мы все еще продолжаем лелеять мысли о грядущей экранизации «Метро 2033» силами буржуазного искусства, и только вы, читающие нас в две тысячи тридцатом, можете посмеяться над нашими надеждами или же сказать, что все на свете было не зря, и экранизация состоялась-таки, заняв первую строчку в списке самых любимых человечеством фильмов на сайте IMDb.

Вообще-то я не уверен даже, хочу ли я знать сегодня все то, что вы знаете там, в своем две тысячи тридцатом. Всегда боялся заглядывать в будущее больше, чем на полгода. Не понимаю даже, почему постоянно о нем пишу и как вообще придумал «Метро 2033»...

Дмитрий Глуховский

Пролог

Движение в темноте невозможно. Движение в темноте губительно. Аксиома подземного мира.

Вот только света старенький фонарик давал преступно мало. И, что хуже всего, свечение его с каждой секундой блекло, с трудом отвоеванные у темноты участки туннеля вновь терялись во мстительной мгле, настырно и неотвратно набирающей прежнюю силу. Первоначально жизненное пространство измерялось лишь высотой и шириной каменного прохода, да пятнадцатью метрами по направлению движения: именно столько хрупкой безопасности дарил неровный, мерцающий луч фонаря. Очень скоро – с преждевременной агонией батарейки – освещенный сектор сократился до неудобных десяти метров, а затем и вовсе до внушающих трепет пяти.

Участившиеся – а быть может, затянувшиеся – конвульсии фонарика заставили маленькую группу остановиться.

– Я достану факел, – у путника, замыкавшего странную процессию, оказался приятный женский голос. Правда, сейчас в нем сквозили панические, немного режущие слух нотки. И в любой момент паника грозила перерасти в истерику. – Девчонки, осветите мне в рюкзак.

Вещмешок под пристальным взглядом фонарика обнажил свои нехитрые секреты: типично дамский набор тряпок, небольшой запас еды и питья, скромная россыпь разнокалиберных патронов, колода ссохшихся, потерявших краски фотокарточек, наконец, толстенький столбик коротенького факела.

– Его надолго не хватит, – извиняясь, проговорила хозяйка рюкзака. – На крайний случай держала. «Эн-зэ».

Не успели спутницы запасливой девушки оценить ее НЗ, как фонарик, видимо посчитав свою миссию законченной, погас окончательно.

Факел поджигали в полной темноте. Очень торопливо, почти суетливо, словно боясь захлебнуться в нахлынувшей беспросветной темени. Резкие вспышки зажигалки, хаотичные искры, робкий, трепещущий при полном отсутствии ветра огонек – тьма смеялась над неуклюжими людьми и была посрамлена, когда с громким шипением родился настоящий огонь: он закружил в странном танце с тенями, немилосердно впечатывая их в стены и потолок, заставляя искривляться и дрожать в припадке боли и сладостной, запретной страсти. Ни один, даже самый яркий и мощный, фонарь не мог бы сравниться с ним: рукотворное солнце, упрятанное в футляр из стекла и пластика, неизменно проигрывает дикой, неукротимой звезде, живущей на кончике самой обыкновенной деревянной палки. Огонь придал путницам уверенности, изгнал страх, наделил силами. Ничто больше не давило, не толкало с неизъяснимой яростью в спину, заставляя ускорять шаг. Их путеводное светило владело великим таинством, недоступным ни одному фонарю: оно сжигало мглу повсеместно – спереди, сзади, сбоку, со всех сторон – и у тьмы не оставалось шанса подкрасться к людям с тыла. Кокон из света, непробиваемая защита от прихвостней теней и мрака.

Приободренная маленькой победой, троица немедленно продолжила прерванный путь. Факел от законной владелицы переключался к высокой девушке, возглавляющей отряд.

Дорога не оказалась ни долгой, ни трудной: когда на твоей стороне свет – идти легко и приятно. Уже через несколько минут огненосная предводительница замерла возле ничем не примечательной плиты в стене по правую от нее руку. Такие плиты попадались и раньше – по обе стороны туннеля, и эта, на первый взгляд, ничем не отличалась от других.

– Ольга, что случилось?

Вопрос не нашел ответа. Девушка напряженно водила факелом возле заинтересовавшей ее стены, пытаясь обнаружить известные лишь ей знаки. Возле одной из граней плиты

предводительница задержалась особенно надолго – казалось, даже пламя принялось недовольно трепетать и фыркать, призывая настырного человека к действию!

– Готово, – со спокойным, сдержанным удовлетворением девушка по имени Ольга оторвалась от объекта своего пристального внимания. – Мы почти на месте.

Теперь Ольга держала факел таким образом, чтобы четко и ясно видеть лица своих спутниц:

– Девочки, одна просьба. Пару минут поизучайте противоположную стенку. И не вздумаете подсматривать за мной... – предводительница сделала угрожающую мину. – Надо объяснить последствия?

Девочки последствий не представляли, однако дружно замотали головами, бессловесно принимая правила игры.

– Молодцы, девоньки. А теперь – кругом! И без команды не... Ну, вы поняли.

Ожидание не затянулось. Не прошло и минуты, как Ольга позвала спутниц:

– Хорош крыс считать, давайте за мной!

Девушки с готовностью обернулись и... не смогли выполнить команду. Следовать было не за кем – Ольга исчезла. Только что шуршала и гремела за их спинами чем-то железным, и вдруг все звуки застыли, обернулись полнейшей тишиной. И темнотой – не стало факела, не стало и света.

– Мамочки! – одними губами прошептала одна из девушек.

– Ольга! Оля, где ты? – позвала другая и, к своему ужасу, почувствовала *прикосновение*. Кто-то или что-то осторожно задело ее руку, легко скользнуло по вмиг покрывшейся потом спине. Она хотела сдержаться, задавить нарождающийся крик и не смогла. Истошный крик зазвенел в тишине, секунду назад казавшейся абсолютной и нерушимой, отчаянный вопль ужаса, многократно отразившись от стен, пола и потолка, эхом покатился во все стороны, сотрясая недвижимый воздух ударными волнами.

– Сдурела?! – Голова предводительницы в абрисе колышущегося света показалась из-за плиты. – Орешь, будто голой жопой на игложабу села!

– Ты-ы-ы! – обрадовано, но до конца еще не веря в избавление от страхов, протянули обе спасенные. – Ты!

– Я-я! – вяло передразнила командирша, у которой до сих пор звенело в ушах. – Коекому надо работать аварийной сиреной – такой талант пропадает! Эй, голосистая, – Ольга теперь обращалась к шумной девчужке. – Ты вволю наоралась? До Ясенежки докричалась?

Та собиралась сказать что-нибудь в свою защиту, когда вновь ощутила прикосновение. При свете, пусть рассеянном и крайне слабом, она заметила, что так напугало ее: всего лишь рука подруги, которая пыталась нащупать хоть какую-то опору посреди пустого пространства.

Устыдившись своей истерики, «Голосистая», ничего не говоря, злобно ударила перепуганную соседку по конечностям и двинулась к плите, за которой нетерпеливо ругалась Ольга.

– Идем мы, идем.

– Шустрее, красавицы, шустрее!

За чуть выдвинутой из стены плитой был узкий проход.

– Меня зовут Ларисой, – невпопад заявила «Голосистая», остановившись на границе света, который проникал через щель между плитой и стеной.

– Что?

– Я не Голосистая, меня зовут Ларисой.

– Поздравляю, только не тормози. Нам нужно идти.

Но Лариса не сдвинулась с места. В затылок нарочито громко и обиженно дышала получившая по рукам подруга, еще несколько секунд, и она начнет подталкивать застывшую истуканом девушку.

Лариса представила, как сейчас попытается протиснуться в щель, и плита, которая только этого и ждет, поймает ее, вдавит в стену, не сильно, не до смерти, лишь обездвижит. Может, сломает пару костей, если жертва будет трепыхаться, но не убьет. Пока не убьет. А девчонки будут смеяться над застрявшим в кроличьей норе мохнатым медвежонком... Да, ее никогда не звали Голосистой, все обстояло много хуже, на родной станции с детства и до конца дней приклеилось проклятое прозвище «Винни Пух», за то, что... Лариса вздрогнула, прогоняя неприятные воспоминания.

– Мы идем, – повторила она и, зажмурившись, втиснулась в проход.

Это заняло совсем немного времени, мгновения или легковесные, быстрые секунды, одну-единственную паузу между ударами сердца, но когда опасный участок был пройден (плита шевельнулась?!), по щекам девушки текли слезы.

– Ты чего, Голосистая? – Ольга поднесла огонь поближе и теперь в недоумении рассматривала предательские блестящие капли на лице Ларисы. – Клаустрофобия?

Рожденные в метро не боятся замкнутого пространства. Это тоже почти аксиома. А кто боится, тот сходит с ума еще в детстве, потому что под землей некуда спрятаться от преследующих страхов, здесь ты с ними один на один – навсегда.

– Да, клаустрофобия, – Лариса с готовностью соврала, на что идущая следом подруга многозначительно хмыкнула, но промолчала. И девушка была ей за это благодарна.

– А ты, Тихоня, тоже страдаешь психическими заболеваниями? – Командирша подняла факел повыше. В ее голосе слышалось нескрываемое презрение.

– Я – Марика, и вовсе не тихоня. Только орать не люблю, особенно там, где это без толку.

Ольга удовлетворенно кивнула:

– Разумно. Только имя у тебя дурацкое...

Она обвела взглядом притихших подруг, убедившись, что никто не собирается ей перечить, и скомандовала:

– За мной, девоньки, совсем скоро будет интересно, – Ольга махнула рукой, призывая следовать за собой, и быстрым шагом двинулась по коридору.

Очень скоро – без приключений и происшествий – туннель резко ушел вверх и вывел группу к массивной железной двери, перегораживающей проход. Командирша, заблаговременно пригрозив клаустрофобичной Ларисе кулаком – «не вздумай истерить, все нормально», четырежды постучала по металлической поверхности: два слабых удара, один сильный, последний опять слабый.

Минуту ничего не происходило. Ольга терпеливо ждала, Лариса нервно кусала губы, но пока держала себя в руках. Поняв, что пауза затягивается, Ольга в точности повторила условный сигнал: четыре удара – короткий, короткий, длинный, короткий. И вновь ожидание.

– Что-то не так? – первой голос подала Марика.

Командирша ее проигнорировала, лишь пробурчала что-то себе под нос. Теперь сигналы она подавала ногами, энергично пиная ни в чем не повинную дверь: четыре пинка переменной силы и злобы.

Не помогло – кто бы ни скрывался за дверью, к людским призывам он оставался безучастным.

– Придунок! – в сердцах выругалась Ольга, непонятно к кому обращаясь.

Она скинула с себя куцый рюкзачок – у подруг, прибывших сюда с другой станции, вещмешки были значительно увесистей и объемней – и плюхнулась на него. Сквозь зубы процедила «ждем» и закрыла глаза.

Девчонки переглянулись – в глазах обеих растерянность и напряжение. А еще злость: на командиршу, что заманила их сюда, и на самих себя, что поддались нелепым (сейчас они казались именно такими) соблазнам.

– Дамы, – Ольга говорила подчеркнуто спокойно, не поворачивая головы и не раскрывая глаз. – Отставить панику и пораженческие настроения. Все будет. Пока отдыхайте.

Лариса, всю дорогу не решавшаяся задать мучавший ее вопрос, поспешно выпалила:

– А правда, что он такой красавчик, как все говорят?

Ольга приоткрыла один глаз и недобро ухмыльнулась:

– Все – это кто?

Лариса замялась:

– Ну... те, кто уже был на вечеринке... или слышал о ней...

– И что же они говорят?

Девушка, сама уже не рада, что завязала этот разговор, неохотно протянула:

– Говорят, мол, на других парней совсем не похож... И лицом, и манерами...

Ольга состроила какую-то малопонятную гримасу, но все же кивнула:

– Совсем не похож, это точно.

– А оргии...

– Про них тоже говорят? – Ольга изогнула бровь, то ли насмешливо, то ли удивленно.

– Т-тоже, – вдруг начала заикаться смущенная до крайности Лариса. – Г-говорят.

– Ну, раз говорят, значит, не без причины. А ты боишься оргий?

Опять насмешка? Лариса не поняла выражения лица своей собеседницы и поспешила развеять сомнения:

– Не боюсь! Просто... вдруг он мне не понравится?..

– Тебе? – Ольга откинулась к стене и громко расхохоталась. – Я бы на твоём месте беспокоилась о том, понравишься ли ты ему. У него обостренное чувство прекрасного, может и забраковать...

– А ты? – в разговор вмешалась молчавшая до сих пор Марика.

– Что – я? – Ольга в недоумении нахмурилась.

– Ты ему нравишься?

– Нравлюсь, – она ответила быстро и без малейших раздумий. – Конечно нравлюсь.

– Тогда почему ищешь для него других девушек? – пришел черед Марики морщить лоб. – Или он не нравится тебе?

– И он мне нравится. Но моногамия в их семействе совсем не в почете, – Ольга посерьезнела, и стало заметно, что тема ей неприятна. – А почему сводничаю? Проиграла спор. Сегодня финальная десятая вечеринка, на которую симпатичных гостей подыскиваю я... Все, девчонки, хватит трепать языком, дайте поспать.

Марика хотела еще спросить, почему Ольга отправилась за симпатичными гостями на соседнюю станцию, неужели на Донской все красавицы закончились, однако тревожить демонстративно отвернувшуюся «сводню» не решилась. Про вечеринки, устраиваемые местным красавчиком, на Лесопарковой ходили легенды, одна соблазнительней другой, и грех было отказываться от нечасто выпадающего шанса как следует оторваться – в бедном на развлечения подземелье такими возможностями не разбрасываются.

Марика исподволь взглянула на свою подругу и вновь удивилась, зачем командирша вообще ее пригласила? Лариса никогда в писанных красавицах не ходила, изяществом форм и тонкостью черт не отличалась. С натяжкой ее можно было назвать симпатичной, но именно,

что с натяжкой. Выходит, Ольга не такая уж и разборчивая «сводня»... или не особо старательная? А может, наоборот – ее избирательность в том и заключается?..

Лариса меж тем времени не теряла. Она уселась на корточки возле своего мешка, искала в нем остатки сухпая, а не найдя, вопросительно уставилась на Марику: поделишься?

Та без лишних разговоров разломала припасенный кусочек вяленного мяса на две части и щедро поделилась с подругой. Неприятный инцидент с ударом по рукам был, по всей видимости, прощен.

Неспешно пережевывая филейную часть мелкого хвостатого хищника, Лариса раздумывала, не извиниться ли ей перед Марикой за свое поведение, однако решила не драматизировать, ведь все были на взводе. Состояние аффекта, как говорят старики.

Отпустив себе этот мелкий грешок, Лариса без зазрения совести попросила добавки, мол, сочтемся, подруга.

Марика усмехнулась, хорошо зная цену привычным и совершенно безвозвратным «сочтемся» – ее прижимистая товарка предпочитала о всех долгах мгновенно забывать, – но жадничать не стала. Зубами оторвала от своего недоеденного куса половинку и протянула приятельнице.

Лариса автоматически измерила взглядом получившиеся кусочки и бессознательно сморщилась, сочтя полученный кусок чуть меньшим, чем оставшийся у Марики.

Что-то громко лязгнуло с той стороны двери, прервав сон командирши и трапезу подруг. Ольга мгновенно раскрыла глаза, стрельнула ими в сторону своих спутниц, проверяя, все ли на месте, и резко поднялась на ноги. Оказавшись перед дверью, она уже протянула к ней руку, собираясь повторить условный сигнал, но та раскрылась сама, безо всяких условностей. Путь был свободен.

Командирша покосилась на девчонок, кивнула им «собирайтесь». Костяшками пальцев пробарабанила по железу негромкое, вежливое «есть кто дома?» и, не дожидаясь приглашения, перешагнула через порог. Подруги, пряча на ходу пожитки, поспешили за ней – очень уж не хотелось вновь оказаться перед закрытой дверью. А кто знает, не захлопнется ли она прямо сейчас?

Лариса влетела в странное помещение первой, оттеснив при этом Марику, также рвавшуюся побыстрее оказаться внутри. Однако весь боевой запал ушел на стремительный марш-бросок, и сейчас, оказавшись у цели, девушка растерялась. Здесь царил полумрак, откуда-то пробивался неясный, слабый свет, но его не хватало, чтобы рассеять липкие, навязчивые тени, скрывающие очертания и детали помещения. Да и проклятая командирша с факелом опять туда-то запропастилась!

– Марика, чего истуканом встала? – окрысилась на подругу Лариса. – Иди уже!

Сама же скользнула за спину приятельнице и оттуда принялась нетерпеливо ее подталкивать:

– Ну же!

Марика недовольно цыкнула языком и одарила Ларису таким взглядом, что очередное «ну же» застряло у той поперек горла.

– Ох, не зря тебя Винни Пухом кличут! Ох, не зря...

Грубо оттолкнув товарку, Марика смело зашагала в ту сторону, откуда шел свет. Лариса с видом оскорбленной невинности засемила следом.

Привычно оказавшись в аръегарде, она немного успокоилась, испуганно колотившееся в груди сердце сбросило обороты, напряженные мышцы, наконец, расслабились. Не нужно считать разумную осторожность трусостью, рваться вперед на амбразуры – это удел дурочек, подобных Марике. Себя же Лариса относил к категории людей, которые бережно относятся к такой великой ценности, как жизнь, – в особенности своя.

Внезапно девушка, бережливая до собственной жизни, почувствовала движение. Кто-то или что-то было здесь – прямо позади нее! Неясный силуэт мелькнул в проеме распахнутой двери, и через мгновение та со страшным лязгом захлопнулась, отрезая путь назад.

Лариса зажала рот, чтобы не завизжать. Инстинкт самосохранения на все голоса вопил в ее голове, требуя немедленно бежать отсюда, однако ноги больше не слушались – налились неподъемным свинцом, приросли к земле. Она захлебывалась безмолвным криком, сердце рвалось наружу, выгибая, выламывая неестественной дугой ребра. Казалось, горячая кровь, не выдержав подскочившего давления, вот-вот хлынет из носа и ушей. Тот, кто прятался в темноте, стоял прямо перед ней и тянул, тянул свои конечности, пытаясь вцепиться в лицо. Вопль нестерпимого ужаса вырвался из легких, царапая жгучей болью горло, с хрипом и свистом обретая свободу... Когда воздух вокруг вспыхнул, озаряясь ослепительным, выжигающим глаза взрывом, милосердное сознание, наконец, покинуло девушку.

Часть первая

Голос из прекрасного далека

*И пускай он с каждой секундой тише,
Этот голос – все, что желаешь слышать.
Он тебе нашептывает на ухо,
И опять в груди начинает бухать —
Это то ли заговор, то ли ересь,
Будто теплый ветер качает вереск,
Будто незамеченным пилигримом
Смерть проходит рядом, но все же мимо.*

*И течение лет замедляет скорость,
Чтобы тоже вслушаться в этот голос
И забыть на время свои печали,
Потому что слово нежней молчанья.
Потому что слово – шальная пуля,
И тебя легко под нее толкнули,
Чтоб – вербально искренне завербован —
Захотел прослушать его ab ovo¹.*

Глава 1

Неудачный день

Ник улыбался. Широко, дружелюбно, открыто. Заполнившие лавку покупатели и не подозревали, что приветливый юноша за прилавком в эту самую минуту мысленно осыпает всех страшными проклятиями и насыпает на их ничего не подозревающие головы ядерные армагеддоны, мировые войны и прочие вселенские катаклизмы. Экспрессивное выражение «чтоб вы все сдохли!» даже на сотую долю не отражало ту бурю эмоций, что сейчас бушевала в душе несчастного молодого человека.

– Хмм... а покажите, пожалуйста, еще вон тот сотовый телефон. Да, и вот этот желтенький тоже, – грузный пожилой мужчина ткнул пальцем в витрину с электронными гаджетами. Естественно, давно и безнадежно мертвыми. – Вы знаете, мой товарищ, большой любитель старины, имеет весьма эксцентричную слабость к такого рода безделушкам. По вашему мнению, что лучше преподнести юбиляру на его шестидесятилетие – сенсорную «Нокию» или клавишный «Сименс»?

Ник сделал вид, что погрузился в размышления, взвешивая достоинства и недостатки обоих аппаратов. На самом деле ответ давно был известен и звучал очень просто и убийственно для антикварного бизнеса. Примерно так:

«Уважаемые покупатели, это барахло не работает уже двадцать лет и ближайшее тысячелетие работать не будет».

Какое счастье для дядюшки (именно ему принадлежала лавка и весь собранный здесь бесполезный хлам), что до сих пор находились ностальгирующие чудилы и чудики (Ник

¹ Здесь и далее стихи Майка Зиновкина.

четко различал данные категории покупателей), готовые платить вполне приличные деньги за весьма сомнительные товары. Ну зачем в подzemелье планшетный компьютер, аккумулятор которого разрядился в нули еще до рождения самого Ника? А навигаторы? Одно законченного чудилу чуть было не хватил кондратий, когда он увидел на витрине пейджер! Де-би-лы!

– Я бы предложил «Сименс», – Ник качнул головой в сторону желтой, уродливой мобилы. – Она стала раритетом еще до Катастрофы, данную модель сняли с производства примерно за дюжину лет до... ну вы понимаете. Если цена не пугает...

– Конечно, конечно, – толстосум с гордостью и нескрываемым удовольствием продемонстрировал рюкзак, плотно набитый автоматными рожками.

«Знатный кошелечек, – мысленно присвистнул Ник. – Мужик у есть, чем похвастаться».

– Это же Подарок. Другу. На Юбилей, – с нажимом на заглавные буквы пояснил свою щедрость покупатель.

– Прекрасный выбор! – улыбка Ника стала еще шире. – Желаете подарочную упаковку?

Расплатившись, посетитель долго вертел покупку в руках, доводя Ника до белого каления, – юноша готов был сорваться с места в любую секунду, закрыть лавку и бежать, наконец, по своим долгожданным делам.

– Молодой человек, вы же родились после Катастрофы?

Молодой человек, стараясь ни мимикой, ни голосом не выдать клокочущую внутри ярость, медленно, но верно переходящую в бешенство, мысленно досчитал до десяти и лишь затем произнес:

– Совершенно верно.

– До войны мобилы, так их все называли, являлись важнейшим атрибутом жизни, – продолжил словоохотливый господин, никак не желающий забрать баснословно дорогой кусочек пластика и валить отсюда на всех парах! Ник заскрежетал зубами и вознес молитвенное «помоги!» неизвестным богам долготерпения. – Это сейчас они превратились... – толстосум надолго задумался, подбирая нужные слова. Стрелка внутреннего барометра Ника скакнула еще на несколько делений и достигла опасной зоны. Дальше только взрыв. – ... в фетиш, – покупатель оживился, подобрав удачно определение. – Вот именно, в фетиш, в тотем, в памятник самому себе. Памятники бесполезны, следующие поколения людей не интересуются этими каменными истуканами, не понимают их... Лишь старичье до самой смерти продолжает млеть от того, что хранит в себе воспоминания об их молодости...

Станный покупатель нахмурился, резко дернул седой головой с редкими волосами, словно приводя себя в чувство.

– Прошу прощения, юноша. Монолог старого болвана, которому показалось, что он вернулся в свое счастливое вчера, – посетитель обвел рукой лавку, заполненную предметами ушедшей эпохи. – Сорвался. В качестве извинений примите, пожалуйста, вот это.

На прилавок легла пачка сигарет. Старинных! В неповрежденной целлофановой упаковке!

– Берег до последнего, но лечащий врач даже думать о них запретил. Ка-те-го-ри-чески. Болван... Наверное, там одна труха. Я, конечно, хранил по науке, но два десятка лет... это много.

Смотря в спину быстро удаляющемуся человеку, Ник искренне сочувствовал ему: расстаться с фетишем, не глупой безжизненной игрушкой типа «Сименса», а настоящим, сохраняющим запретный аромат далекого прошлого... Наверное, он уже тысячу раз пожалел о поспешном поступке и теперь отчаянно ругает себя, борется с малодушием, лишь бы не вернуться и не потребовать драгоценность обратно. Бедняга! А может, никакой поспешно-

сти и не было вовсе, лишь давно запланированная церемония прощания с непозволительной более роскошью?

Ник понял, что хочет курить. Безумно, до одури, до дрожи в коленках! Нельзя – он дал слово дяде, а слов, данных дяде, не нарушал никогда. Но хочется так, что аж уши в трубочку сворачиваются. Черт побери, что за день такой?!

Юноша с пристрастием осмотрел двух оставшихся в магазине посетителей: аккуратного тихого старичка в скромной, но всегда опрятной одежде Ник знал, тот приходил почти каждый день и никогда ничего не покупал, только тяжело вздыхал у витрин о чем-то своем. Дядя строго-настрого запретил его выгонять или проявлять неуважение; впрочем, у Ника и в мыслях ничего против безобидного дедка не было. Ну, ходит и ходит, главное, на товар не покушается, работать не мешает. Чего не скажешь о втором покупателе: молодой пацан из пришлых доверия не вызывал. Такие ностальгией обычно не страдают, да и воровато бегающие глазки признаком честного человека не являются.

Ник в отчаянии взглянул на часы, в еще большем отчаянии закатил глаза к небу и, вместо приличествующей моменту мольбы, процедил сквозь зубы проклятье. Он безнадежно опаздывал.

Куда подевался болезненно пунктуальный дядя, не опаздывающий сам и не прощающий опозданий другим? Сколько раз не особо дисциплинированный Ник лишился премиальных лишь за то, что позволял себе выйти на работу на пять минут позднее положенного. Дядя задерживался уже на целых двадцать минут – такого раньше не случалось. Ни разу!

Ник принял решение. Если педантичный родственник допускает нарушение трудового порядка, то уж ему, подрастающему оболтусу, сам бог велел. Молодой человек присел за прилавок. В нише у самого пола в беспорядке валялась копеечная сувенирка – спичечные коробки, зажигалки, блокноты и прочее барахло. Схватив первый попавшийся календарик с изображением куполообразного здания на фоне высокой стреловидной башни и подписью снизу «Екатеринбург 2012» (как, интересно, уральский календарь оказался в Москве?), прикинул его стоимость – далекие города расходились исключительно плохо, даже со значительной скидкой – покупатели предпочитали тосковать по родным, или хотя бы знакомым местам. Итак, максимальная цена – три патрона, реальная – один.

Ник отсчитал из собственных запасов два компромиссных патрона и положил их в кассу. Дядя всецело доверял племяннику, и тот не давал поводов усомниться в собственной честности. С приобретенным у самого себя календариком юноша подошел к постоянному покупателю (вернее, постоянному *непокупателю*), старичок с отсутствующим видом завис у витрины с компьютерной техникой.

– Хмм... прошу прощения, – Ник осторожно тронул его за рукав. – Вы не присмотрите за магазином? Всего пять минут, мне нужно срочно отойти, но я быстро вернусь, обещаю.

Пока сомнение на лице деда не переросло в полновесный отказ, Ник быстро всучил ему презент:

– А это вам!

Старик жадно ухватился за календарь, его морщинистые, со вздувшимися узлами вен руки тряслись, пока он подносил подарок к подслеповатым глазам.

– «Екатеринбург, две тысячи двенадцать», – тихим, чуть скрипучим голосом прочитал он вслух. – Мальчик, но как ты догадался, – старик с искренним удивлением смотрел на продавца в упор и ждал ответа на непонятный вопрос, – что я из Свердловска?

Ник, задетый дурацким обращением – мальчиком его не называли давно, лет с тринадцати, лишь пожал плечами:

– Так вы присмотрите?

– Да-да, обязательно, но...

– Большое спасибо! – Ник рванулся к двери и уже через мгновение оказался на свободе. Оставалось только добраться до места, где вставали на ночевку караваны.

С точки зрения любого «иноземца», не знакомого с географией конечной станции Серпуховского-Тимирязевской ветки московского метрополитена, стоянка для караванщиков и торговые ряды находились не на Бульваре Дмитрия Донского, а на станции Старокачаловская. В реальности же путь от самого центра Донской, где располагался антикварный магазин семейства Кузнецовых, до Старокачалки занимал всего пару-тройку минут. Слившиеся в противоестественном архитектурном экстазе, эти станции являли собой единое целое – нечто подобное в «живой» природе демонстрируют, например, сиамские близнецы, несчастные существа, сросшиеся телами. При строительстве Дон перерезал Старокачаловскую пополам, расчленив на две независимые платформы, вклинился в ее нутро, да так и остался на месте преступления: посредине композиции – мощная и неделимая Донская, помимо стандартных путей и единой платформы увенчанная длинными, широкими балконами, и два «аппендикса» по бокам – раздробленные половинки Старокачаловской: один путь и одна платформа за восточным краем Донской и то же самое, но – в зеркальном отображении – за западным. Чтобы добраться до места встречи, Никите нужно было пробежать совсем немного по донскому балкону и спуститься по лестнице, ведущей к узкому, темному перрону одной из частей Старокачалки. Сегодня он направлялся к западной «половинке».

– Оля, – Ник заметил ее стройную, соблазнительную фигуру издали. – Оля!

Высокая, с длинными красивыми ногами Ольга выделялась среди гурьбы скучающих «чужеземных» девиц, прибывших сюда с других станций. Пережившие Войну утверждали, что подземное поколение, то есть рожденное в Метро, уже после Катастрофы, отличается исключительной низкорослостью и через пару поколений вовсе выродится в гномов и карликов. Так вот, Оля одним своим видом начисто опровергала злобные предсказания престарелых перечников.

– Никитос, упырь тебя дерит, сколько можно ждать?! – Ольга злилась, и от этого ее симпатичное личико несколько теряло свое очарование.

Дядя, известный дамский угодник, говорил – и племянник никогда не подвергал его слова сомнению, – что девки нынче пошли страшные. Бледные, как непонятные Нику спирохеты, неухоженные, с отвратительной кожей и ужасными, паклевидными волосами (паклю Ник видел). Без косметики и парфюма, в чудовищной одежде, в которой нет ничего соблазнительного, забыв об эпиляции и минимальном уходе о теле, женщины превратились в самок – вонючих и донельзя волосатых.

Дядя говорил об этом нечасто, только в состоянии тяжелого подпития, а пил он крайне редко. Но если уж пил, то обязательно проклинал тяжелую судьбу, лишившую его общества красивых шлюх и шлюховатых красавиц. «Настали беспросветные времена шлюховатых шлюх...»

Однако среди многочисленных Никитиных дам дядя неизменно выделял Ольгу, называя ее «похожей на человека» и навязчиво призывая Ника немедленно на ней жениться, «пока какой-нибудь гoblin с соседней станции не утащил бесхозяйную сексапилку в свою берлогу». Ник к замшелому институту брака относился крайне негативно, но о дядиных словах не забывал. Ему льстило, что подруга соответствует бескомпромиссным и чрезвычайно высоким стандартам любвеобильного дяди. В чем-чем, а в женщинах – настоящих женщинах! – его единственный родственник понимал толк.

– Юная леди, ну что за недостойные выражения? «Никитос», «упырь побери»... Разве благовоспитанная девушка может позволить себе выражаться столь неизысканным образом? – Ник попытался придать голосу степенную, размеренную мудрость, присущую книжным героям девятнадцатого века, однако утомительный спринт по станции сбил ему дыха-

ние, и вместо нравоучительной сентенции получилась жалкая и неубедительная отповедь грубиянке.

– Радиоактивной пыли в своей лавке нанюхался? – с наигранным сочувствием поинтересовалась «благовоспитанная девушка», не забыв при этом весьма красноречиво постучать пальцем по виску. – Чего блажишь, головка бо-бо?

Времени на пикировку не было – обещанные любезному старичку пять минут подошли к концу.

– Ты нашла кого-нибудь?

– Да, у МЕНЯ все в полном порядке. А у ТЕБЯ?

Издевательский тон Ольги взбесил бы парня в любой другой день, но только не сегодня. Брошенный на произвол судьбы магазин (ну в самом деле, какой прок от престарелого божьего одуванчика семидесяти или даже восьмидесяти годов отроду?), вытеснил из головы все остальное.

– Поводи их кругами, потяни время, будь умничкой, а я в долгу не останусь.

Отчеканив это, Ник бросился обратно в лавку. Ольга что-то кричала ему вслед, судя по экспрессии, явно недружелюбное и вряд ли приличествующее благовоспитанной леди. Однако он слишком давно и хорошо ее знал и потому за просьбу свою не переживал. Обмастерит, но сделает. Правда, счет потом выставит – ого-го!

«Но если есть в кармане пачка сигарет, – Ник, не снижая скорости, на ходу прощупал нагрудный карман, драгоценное курево было на месте, – значит, все не так уж плохо на сегодняшний день»². Ему найдется, чем расплатиться с разъяренной, но исполнительницей фурией.

Чуть слышно напевая одну из любимых дядиных песен, Ник на полном ходу заскочил в антикварный магазин. От увиденного там он едва не подавился «самолетом с серебристым крылом», стихотворная строка застряла у него поперек горла. Старичок-божий одуванчик гордо восседал на лежащем на полу юнце – Ник мгновенно опознал в поверженном второго, не понравившегося ему покупателя – и весьма искусно заламывал тому руки, при этом ласково приговаривая:

– Тюрьма по тебе, голуба, плачет. А будешь дергаться, дровичи по локоть вырву. Тихо, гаденыш, тихо!

Заметив Ника, старик довольно заулыбался:

– Вот, молодой человек, вора задержал. С поличным взял, так сказать. Готов передать преступника органам юстиции и правопорядка.

– Старый, ты че бакланишь, сука, рамсы, в натуре, попутал?! – пленник отчаянно извивался, тщетно пытаясь сбросить с себя старика.

– Эвон, какой неугомонный попался, – словно извиняясь за неучтивое поведение подопечного, дед сокрушенно покачал головой. В следующее мгновение он вывернул юному правонарушителю правую руку так, что в плече у того громко и отчетливо хрустнуло. Вор заверещал от нестерпимой боли.

– Невежливо перебивать старших. Запомнил? Или закрепим пройденный материал?

– Запомнил-запомнил-запоооомнил! Чтоб ты сдох, тварь фашистская!

Старик тяжело вздохнул, виновато посмотрел на Ника – тот никак не мог прийти в себя – и загнул сквернослову левую руку под совершенно неестественным углом. На этот раз что-то затрещало в локтевом суставе. От раздавшегося затем визга у остолбеневшего продавца заложило уши.

– Урок номер два. Нельзя хамить старшим. Понятно?

Вор больше не сопротивлялся, он позорно, совершенно по-бабски разревелся и, судя по резкому неприятному запаху, влага пошла у него не только глазами.

² Виктор Цой «Пачка сигарет».

– Евгений Александрович, что происходит? – Ник, увлеченный происходящим, не заметил, когда в магазине появился дядя.

Евгений Александрович – Ник впервые услышал имя старика – поднялся навстречу дяде, правда, сначала удостоверившись, что пленник не собирается чудить, но тому уже было не до чудачеств.

– Шура, сердечно рад вас видеть! – старичок протянул руку, дядя с улыбкой ответил на приветствие.

– Взаимно, Евгений Александрович, взаимно.

– Извиняюсь за небольшой кавардак, дурачок при задержании неудачно упал, витрину головой сдвинул. Надеюсь, ничего не побилося.

– Евгений Саныч, уж столько лет в отставке, а все преступный элемент узлом вяжете! Откуда только силы берете? – в голосе дяди слышались и укоризна, и удивление, но и то, и другое было щедро приправлено восхищением.

– Вор должен сидеть в тюрьме, – серьезно произнес дед. – Отставка, конец света и старость, будь они все неладны, ничего не меняют.

Дядя кивнул, соглашаясь, и поинтересовался:

– Что он стащил? Подождите, не говорите. По традиции и прямой воле пострадавшего собственника, украденное может быть конфисковано в пользу того, кто изловил преступника. Я ведь правильно излагаю нормы нового Уголовного Кодекса? Предлагаю согласно закону и поступить. А теперь говорите, не жалейте мою расчетливую «жабу», она у меня ручная.

Старик при упоминании жабы расхохотался:

– Шура, Шура, вы никогда не отличались знанием юриспруденции! Давайте пожалеем ваше ручное животное. Не стоит лишний раз гневить всемогущее земноводное, мешающее спать по ночам.

Ник растерялся, он совершенно не понимал, о чем говорят эти двое. Какая жаба? Дядя никогда не держал домашних животных, тем более – таких мерзопакостных на вид... Надо обязательно вызнаться, где скрытный дядюшка прячет монстра!

– Тать (ну, вот еще одно неизвестное слово!) покусился на зеркальный фотоаппарат. Без объектива. Глупость, что называется, в квадрате. Некомплектная аппаратура ведь ничего не стоит, так?

– Не совсем. Сам по себе комплект стоит не дороже того места, что занимает на витрине. Но если у тебя есть объектив... Придурок, у тебя есть объектив? – дядя брезгливо пнул вора под ребра. Тот вновь захныкал и в отчаянии замотал головой. – Предмет в сборе стоит уже нешуточных денег. А раздобыв подходящие аксессуары, например, вспышку, штатив, сумку и так далее, можно весьма значительно обогатиться. Потому серьезные коллекционеры, к которым отношу себя и я, никогда не выставят на продажу комплект, это объект для обмена, но не для торговли.

Пока старик обдумывал услышанное, дядя закончил:

– Евгений Саныч, давайте отпустим уродца. Предъявлять обвинение за кражу копеечного товара бесполезно. К тому же, мне совершенно не хочется остаток дня провести, давая показания в полиции. Вы и так славно проучили недоумка, сделайте одолжение, прошу вас.

По всему было видно, что старик не одобряет решения дяди, но спорить и настаивать он не стал:

– Хозяин-барин. Ваше право, – Евгений Александрович носком ботинка ткнул вора. – Вставай, убожество, повезло тебе, нарвался на сердобольного человека... Вали отсюда, быстро!

Последние слова прозвучали резко и четко, как приказ. Когда-то у старика был хорошо поставленный командирский голос. Вот тебе и божий одуванчик...

Незадачливый правонарушитель мешкать не стал, быстро поднялся на карачки и тут же получил по заднице такого пинка – дядя и Евгений Саныч синхронно, не сговариваясь, от души пробили по выпяченной пятой точке, – что кубарем выкатился из магазина.

– Прекрасный удар, Шура! – сдерживая смех, похвалил дед. – Вы увлекались футболом?

Дядиною ответа Ник не расслышал – в отличие от деда, он сдержать хохота не сумел.

Глава 2

Дядя, племянник и «армани»

Когда Евгений Александрович ушел, дядя мгновенно переменялся в лице. Ник ожидал заслуженной выволочки за то, что оставил магазин без присмотра, но, вопреки опасениям, суровая кара его миновала. Похоже, дядюшке было не до мелких провинностей племянника.

– Что с тобой?

Мрачный, погружившийся в раздумья, дядя ответил не сразу. Он некоторое время собирался с мыслями и, наконец, выдавил из себя:

– Я встретил мертвого человека.

– Что?!

– Случайно увидел в толпе того, кто умер давным-давно. И очень далеко отсюда, – дядя говорил медленно, словно через силу выталкивая слова из горла. – Я почувствовал чей-то пристальный взгляд, обернулся... Он был далеко, но я сразу узнал его. Не поверил глазам, пошел за ним, пытаюсь догнать...

– И? – Ник не выдержал очередной затянувшейся паузы.

– Не догнал, тот словно растворился.

– Может, обознался? Или показалось?

– Нет и нет.

– Дядя, я не понимаю...

– Я, Никита, понимаю не больше твоего. И меня это беспокоит.

Ник наморщил лоб, почесал в затылке – ритуал не помог, никаких дельных мыслей в голове не родилось.

– Это какой-то плохой человек? Вы враждовали с ним... ну, раньше?

– Совсем нет, отличный был мужик. Можно сказать, героический, кучу народу спас от верной смерти. Только себя не сберег, и семью свою тоже. Убили его. Чуть ли не на моих глазах. Ни за что... несправедливо убили.

– Ты расскажешь?

Дядя поднял взгляд на племянника, нехороший взгляд – тяжелый. Несколько долгих секунд смотрел в упор, не отрываясь. Явно колебался, стоит ли посвящать единственного родственника в тайны прошлого, о котором Ник не знал ровным счетом ничего. Все расспросы о родителях, детстве, о том, как они оказались на этой станции, пресекались на корню. «Не помню», «не приставай», «нечего старье ворошить» – всегда «не», «не», «не»... Не получилось и на этот раз. Дядя с заметным усилием согнал с лица озабоченность, заставил себя улыбнуться:

– Пропустим по кружечке? Проставляюсь за опоздание, – и, не дожидаясь ответа, отправился к сейфу, где хранились две початых бутылки раритетного алкоголя – коньяк и виски. Баснословная ценность, которую собиратель старины мог себе изредка позволить.

С алкоголем дядя познакомил Ника в день его совершеннолетия, которое в новом мире наступало в шестнадцать лет. Коварный змей-искуситель угостил юношу настоящим коньяком, и хитрость подействовала – пока сверстники напивались дерьмовой сивухой, бормотухой и прочей самогонкой, Ник, вкусивший незабываемого, истинного вкуса, ничего другого (ну, почти) пить уже не мог. Потому считался на станции практически трезвенником – а ты попробуй найди в баре что-нибудь довоенное! А если и найдешь, то последние штаны отдашь за крошечную, наполненную лишь до половины рюмочку. И помоги тебе бог не нарваться на подделку...

Дядя надолго застрял у сейфа, выбирая, чем порадовать себя и юного родственника. Его указательный палец перемещался от бутылки к бутылке, при этом ритмично, по-дири-

жерски, покачиваясь. В такт неслышимой считалке – догадался Ник, знал он за дядюшкой такую странность. Палец, наконец, застыл у коньяка, но волевым, слегка мошенническим решением все же переметнулся к виски. «Когда фортуна совершает неверный выбор, можно ей слегка и помочь».

– У тебя, кажется, сегодня бл...ая пятница? – Дядя протянул бокал племяннику, они звонко чокнулись и пригубили по чуть-чуть, растягивая удовольствие. Каждый глоток в денежном эквиваленте значительно превышал недельную зарплату Ника. – Заждались, наверное, страшные подземные мадемуазели своего ненаглядного принца?

Юноша вспыхнул:

– Дядя, ну сколько можно? У тебя почему-то «романтические субботы» и «прекрасные вземные гурии», а у меня и пятницы шлюхины (Ник осмотрительно избегал употреблять ненормативную лексику при старшем родственнике – тот злоупотреблял ею сам, но племяннику не прощал), и мадемуазели страшные!

– Да ладно, Никитос, не кипятись. Наши с тобой гурии подозрительно похожи на гарпий – тела все больше куриные, а рожи – крокодилы, – дядя страдальчески вздохнул. – Тебе то по фигуре, ты других никогда и не видел, а меня тоска по настоящим довоенным красоткам ой как мучает!

– Неужели все так плохо?

– Гораздо хуже, чем думаешь. Пожалуй, отобью у тебя Ольгу. Чего пригожая девка пропадает, с балбесом малолетним лучшие годы прожигает... Ей нужен опытный мужчина, понимающий толк в красоте и..

– Дядя!

– Шучу, шучу. Только клювом не щелкай, не один я такой на станции ценитель упругих ценностей... Все, молчу, не нервничай, вырастет женилка, сам поймешь.

Ник старательно делал вид, что привычные подколы задевают его. Разговоры об Ольге заходили у них частенько, но всегда с неизменным результатом – один советовал взяться за ум, другой неизменно все пропускал мимо ушей. Однако сегодня спор отвлек дядю от мрачных мыслей о мертвом человеке, и Ник был искренне этому рад.

– Ну, я побежал? Завтра выйду к обеду?

– Погоди, шустрила. Костюм надень.

– Нееееет! Ну, дя! Ненавижу его, он неудобный.

– Цыц! Приказы вышестоящих не обсуждаются. А джентльмен даже на бл... пардон, на романтических пятничных вечерах, должен выглядеть, как джентльмен. Надевай!

Ник безошибочно научился понимать, когда сопротивление бесполезно. Пришлось позорно, без боя, капитулировать. В подсобке магазина он скинул с себя «рабочую» одежду (по меркам Метро она считалась более чем приличной, чуть ли не выходной) и с тоской заглянул в стенной шкаф с *настоящей* выходной одеждой. Здесь висело несколько дядиных костюмов в прозрачных чехлах: строгий черный – траурный, темно-серый, в темную же полосу – деловой, для переговоров, синий, с металлическим отливом – праздничный, для «выхода в свет». Что ни говори, а дядюшка был чертовски богат. До неприличия.

У Ника костюм был один, серый, на все случаи в жизни. Случаев, если честно, насчитывалось немного – деловые встречи, куда старший родственник стал брать его лишь недавно, до этого считая слишком мелким и безответственным, да еженедельные пятничные... хмм... калядки, пусть будет так.

Выглядел костюм шикарно и хозяина своего облагораживал до полной неузнаваемости. Нет, конечно, Ник выглядел представительно и без помощи бронебойных средств от кутюр и даже в заношенных джинсах весьма нравился девушкам, однако костюм делал его воистину неотразимым. Совершенно неотразимым – дамы буквально таяли на глазах. Говорите, женщины любят ушами? Ну-ну...

Портило благостную картину одно-единственное обстоятельство – дядя клятвенно обещал вырвать непутевому племяннику все конечности и отростки в случае порчи раритетной одежды. Уж лучше носить старые джинсы, чем таскать на себе мину замедленного действия – чуть посадил пятно, и ба-бах, полетели руки-ноги по закоулочкам!

– Так-с, повернись-покажись, – дядя вошел в подсобку и теперь разглядывал принарядившегося Ника. – Для местных шалашовок выглядишь вполне пристойно.

– Спасибо, наверное...

– Расслабься ты, костюм должен *сидеть*, это же вторая кожа. А пока я вижу перепуганного подростка в дорогой вещи с чужого плеча. Запомни: ты уже не подросток и не мальчишка, – это раз, и данная вещь твоя по праву, ты ее заработал – это два. Ну, а три...

Ник протестующее замахал руками – под номером три всегда шло напоминание о страшной каре, которая полагается за «арманивредительство».

На прощание дядя вручил преобразившемуся племяншу двадцатилитровую канистру с солярой:

– Отвези к генератору, чего порожняком гонять. Да стой ты, сам на тележку поставлю, угадишься ведь! Все, иди, веселись. Я мешать вашим гормональным игрищам не буду, дойду до соседней станции, дела кое-какие улажу. До завтра, спиногрыз!

Ник уже вкатил было тележку в любезно распахнутую дверь, как неожиданно вспомнил о подаренной пачке сигарет:

– Дядя, я сегодня чаевые нефиговые получил, – он продемонстрировал презент.

– Богато, ничего не скажешь, – дядя присвистнул от удивления. – И что, претендуешь на всю пачку? Для некурящего...

– Не для себя, форсануть бы перед дамочками...

– Хороший понт дороже денег, – медленно протянул дядюшка, усиленно массируя наморщенный лоб. Знак глубокой задумчивости. – Давай так: для *левых* девиц это слишком круто, моя жаба такого расточительства не одобряет.

Никуну хотелось узнать, наконец, что за жаба такая, упоминаемая второй раз на дню, но перебивать старшего он поостерегся.

– А вот Ольгу свою угости сигареткой, побалууй немного. Красавицы это любят. Ну, все, адьё, мой юный друг, гуляй!

* * *

Дорога предстояла недолгая. Прямо из подсобки магазина к месту назначения вел небольшой то ли туннель, то ли лаз шириной в полтора метра и высотой – чуть более метра восьмидесяти. Высоченному крепкому дяде приходилось здесь пригибаться, а вот щуплый и не особо рослый Ник чувствовал себя вольготнее. Однако чертов костюм, будь он неладен, держал в постоянном напряжении, заставляя беречь драгоценные рукава от контакта с шершавыми, неоднородными стенами. Зацепился одежкой – иди вешайся.

Через несколько десятков шагов туннельчик раздался до размеров небольшой комнаты. Здесь был установлен генератор, по соседству с ним расположилась батарея пустых канистр. Ник, растолкав пустую тару, аккуратно припарковал тележку. Свежую канистру со следами неподсохших масляных пятен снимать с нее не стал, логическая цепочка «грязные руки = испачканный костюм = вырванные с корнем конечности» убедила отложить физические упражнения до более подходящих времен. Лишь бы в генераторе осталось хоть немного горючки! Но ведь проверять уровень соляры значит вновь подвергнуться опасности четвертования... После некоторых колебаний Ник решил довериться судьбе и, соблюдая максимальную осторожность при обращении с не самым чистым механизмом, трижды дернул за ручной пуск. Ура, повезло! Привередливый агрегат завелся без ненужных сложностей.

Под ворчливое тархтение дизеля Ник отправился дальше. Самое *валидольное*, по дядиной терминологии, испытание ждало впереди – после «генераторной» коридор вновь сужался. До очень некомфортных семидесяти сантиметров... Приходилось передвигаться боком, приставными шагами.

У коридора была своя история, о которой Ник узнал лишь недавно, и, естественно, не от маниакально скрытного дядюшки. Рассказал один из покупателей, а истинность его слов подтвердили многие. Этого прохода в прежнем метрополитене не существовало, коридор обрывался на техническом помещении, называемом ныне «генераторной». Узенький лаз в бетоне и земной породе пробили благодарные жители станции. Благодарные дяде – его, Ника, дяде!

Донская вымирала, целиком и полностью, всем своим населением. Медленно, человек за человеком угасала от эпидемии, которую научились лечить еще в двадцатом веке. На беду – исключительно антибиотиками. У бедной, захолустной станции их не было, как не было и средств, что приобрести у более везучих и зажиточных соседей. А кто придет на помощь умирающему бедняку, к тому же больному заразной, смертельно опасной дрянью? Кто отдаст ему последнее, самое драгоценное, что припасено на черный день для себя и своих детей?

Но появился на станции изможденный, израненный человек, который сам еле держался на ногах. Он истекал кровью, и, казалось, смерть уже заглядывает в его глаза. Единственное, что не давало ему лечь на землю и с облегчением принять неизбежное, – маленький, испуганный мальчик, его племянник. Ребенок, чья жизнь зависела от его жизни.

Пришедший на станцию отдал лекарства больным – у него была целая сумка медикаментов, и он не пожалел ничего. А когда лекарств не хватило, оставил племянника на попечение спасенным, собрал последние силы и ушел к соседям, где обменял все свое оставшееся имущество, среди которого попадались настоящие диковинки, на столь необходимые таблетки.

И вернулся. Исцелил целую станцию, а сам слег в больницу на долгие-долгие месяцы. Теперь спасенные боролись за жизнь своего спасителя. И обманули-таки безносую, вытащили его с того света.

Только ни один житель станции не посчитал долг возвращенным. Они спасли человека, он же – несколько сотен людей. И эти несколько сотен никогда не забывали и не забывают до сих пор, кому обязаны всем.

Ника распирало от гордости за своего дядю. Конечно, он не помнил момента, когда им подарили шикарное место под антикварный магазин в самом центре станции, не помнил, как сталкеры уходили в опасные экспедиции, лишь бы пополнить полки магазинчика новыми драгоценными товарами, не помнил, как, работая в несколько смен, без остановки, жители пробили в земной тверди проход, соединивший лавку с заброшенным техблоком, который позже стал их с дядей квартирой. Настоящей трехкомнатной квартирой! Не палаткой, не домиком из пластика и картона, а квартирой – с каменными стенами, потолком, железными дверьми и даже окнами, пусть и декоративными.

Дядя стеснялся и тяготился своим особым положением, даже пытался скандалить, выводить окружающих на эмоции, вот только к любимому герою люди испытывали одну-единственную эмоцию – благодарность. Бесконечную и неиссякаемую. Пришлось смириться, принять причитающиеся привилегии, однако почивать на лаврах он не собирался. Благодаря растущим из нужного места рукам превратил лавку со всяким хламом в магазин с дорогостоящими раритетами, а недюжинная деловая хватка помогла раскрутить бизнес, сделав его известным на всех соседних станциях и даже далеко за пределами. Сюда хлынули покупатели и туристы, желающие поглазеть на осколки прежней жизни. Приютившая героя станция внакладе не осталась.

Ник покачнулся и чуть было не шаркнул плечом по стенке. Не вовремя он в думки ушел, любимый герой Отечества на куски порвет за подобную расхлябанность. Осторожно, осторожно, без спешки, без суеты пройти последние метры! Ничего сложного, главное, не отвлекаться, держать равновесие, помнить об обещанной каре... Дядюшке проще, ему не приходится продирается по узким коридорам между магазином и квартирой в костюме – для приема посетителей (вернее, посетительниц) в домашних условиях у него припасена еще парочка смокингов.

Наконец Ник добрался до массивной двери, сшитой из нескольких железных листов. У финишной черты облегченно выдохнул, похвалил себя за ловкость да исключительные эквилибристские навыки и полез в нагрудный карман рубашки за ключом. Когда пальцы нащупали пустоту, а память услужливо подсказала, что искомый предмет остался в рабочей рубашке, тишину разрезал отчаянно непотребный крик.

Прооравшись от души и выматерившись всласть – неудобная одежда, доставшаяся от предков, собственная дырявая память, а также дядины причуды – все было обложено трехэтажным ненормативом с головы до ног, – несчастный юноша двинулся в обратный путь... Ник вскипал от ярости, которую никуда не мог выплеснуть – костюм не тронешь, дядю тоже, а срывать злость на себе – так он и без того нынче пострадавший.

В опустевшем магазине царил полумрак. Свет со станции хоть и проникал сюда через щели в закрытых ставнях, но робко, почти деликатно, лишь намеками и осторожными, неуверенными штрихами выделяя из темноты громоздкие силуэты витрин, прилавков, полок. Ник, лавируя между хорошо знакомыми препятствиями, торопливо промчался по торговому залу напрямиком к сейфу, где хранились запасные ключи. Рисковать лишний раз и искать забытый ключ в подсобке, щедро набитой самым разнообразным костюмнебезопасным хламом, он благоразумно не стал.

Со второго раза набрал на сейфовой дверке правильную комбинацию – при первой попытке немного поспешил, да и трясущиеся руки подвели – замок негромко, но смачно щелкнул, открывая доступ к святым святым. Дальше хуже, внутрь несгораемого шкафа не проникал ни один даже самый слабенький лучик станционного «солнца», пришлось действовать на ощупь. Ник щелкнул зажигалкой, синевато-красный огонек, болезненно ударив по глазам, – те только-только привыкли к темноте, – выхватил на несколько коротких секунд содержимое несгораемого шкафа. Нижнее отделение: документы и патроны. Верхнее: на переднем плане доисторический алкоголь в количестве двух бутылок – недавно опробованный вискарь и обойденный вниманием коньяк, за ними – всякая всячина. Где-то в этих залежах и прятался заветный ключик, если в очередной раз не лукавит дырявая память.

Ник просунул руку меж емкостей с алкоголем, одними пальцами прощупал всячину. Ничего похожего на ключ. Свободной конечностью почесал в затылке, однако «непрямой массаж мозга» новых откровений не принес – искомый предмет, будь он неладен, должен лежать на верхней полке, это точно! Ну, почти точно...

Фонарик бы... Только возвращаться за ним в генераторную не хотелось совершенно. Фигаро тут, Фигаро там, блин! Сколько ж можно носиться туда-сюда?!

Очень несвоевременно на ум пришла Ольга. Наверное, сидит сейчас перед закрытой дверью – другой дверью, той, что ведет в квартиру из межстанционного туннеля, – и проклинает его на все лады. В гневе дядина любимица ой как страшна! Настоящая валькирия!

Ник очень живо представил себе эту грозную воительницу из мифов. Правда, в его фантазиях она носила соблазнительно короткую, весьма условную юбочку и... и на этом все одеяния боевой дамы полностью исчерпывались. Меч и крохотная тиара не в счет. Видение подстегнуло юношу – разве можно заставлять ждать легендарных существ, наделенных столь выдающимися... хмм... достоинствами?!

Теперь он рылся во всячине гораздо увереннее, даже напористей. Старые монеты, кольца, браслеты, еще какие-то железки. Нет, все не то! Ник в сердцах саданул ладонью по полке и тут же коротко вскрикнул – в подушечку безымянного пальца впилось что-то острое. Он резко отдернул руку, при этом локтем задев одну из бутылок. Коньяк, мать его так!

Драгоценный сосуд качнулся из стороны в сторону, будто решая, какую из возможностей предпочесть – бесславно завалиться вглубь сейфа или же отправиться в героический полет до земли, – замер на миг над пропастью и затем очень-очень медленно устремился вниз, к своей и Ника гибели. Ничего этого в темноте юноша видеть не мог, за него постарались богатая, не в меру развитая фантазия да обострившийся от бескрайнего ужаса слух. Потрясенный рассудок погрузился в глубочайший ступор, но тело сработало само, на одних рефлексах. Ник бросился наперерез своей безрадостной судьбе, облаченной в хрупкую форму из стекла, и с глухим стуком приземлился спиной на каменный пол, так что захрустели ребра, а в глазах заплясали огоньки, но, невзирая на вспыхнувшую боль, выкинул руки навстречу падающему коньяку.

Бутылку он не поймал. Она прошла всего в нескольких сантиметрах от его ладоней и с издевательским «шлеп!» врезалась ему в незащищенный пах. Прежде чем сложиться пополам и заорать от дикой, нестерпимой боли, Ник сумел ухватиться за горлышко членовредительского снаряда и рвануть его подальше от немилосердной земли.

Так и лежал несколько невыносимо долгих минут: свернувшись в позе эмбриона, завывая и постанывая, но продолжая держать над собой спасенный «напиток древних». Величайшее сокровище, за утерю которого полагалось... вряд ли что-то меньшее, чем за порчу треклятого костюма. Костюма!!!

Ник в одно мгновение оказался на ногах, совершенно забыв о только что перенесенных страданиях. Отбитое достоинство – это одно, а костюм – совершенное иное. Секунду назад он корчился на грязном, вонючем полу в «Армани»! А до этого спикировал на землю, со всей дури приложившись все тем же Армани о неровный, шероховатый бетон. Что у него сейчас на спине – лоскутки от пиджака? Одна большая дыра или рваные борозды? Есть ли надежда на чудо?

Правая рука до сих пор судорожно сжимала бутылку. Юноша машинально откупорил коньяк и сделал большой глоток, зарплат сразу на пять-шесть.

– Твою мать!..

Приятное тепло разлилось по израненному телу – пусть болело абсолютно все, начиная с тестискул и заканчивая душой, но алкоголь, как ни странно, подействовал отрезвляюще. Голова очистилась, нервные окончания ненадолго затихли, прекратив нескончаемую истерику. Костюм нужно было срочно осмотреть, но не здесь, в условиях недостаточного освещения, а желательнее у зеркала при ярком сиянии софитов. При отсутствии таковых – хотя бы ламп накаливания. Таким образом, организму Ника надлежало срочно прибыть в квартиру, где большинство из поставленных условий исправно выполнялось.

Он вернул бутылку с оставшимся содержимым в сейф и, не предпринимая новых поисков, запер его со всевозможной тщательностью. Затем, стянув с себя штаны, пиджак (на ощупь дыр и прорех не обнаружилось) и рубашку, в одних трусах и ботинках проследовал в подсобку, где повесил все дорогостоящее добро на вешалку. В голом виде, не боясь повредить костюм (а на царапины и ссадины, остающиеся от неаккуратного контакта с наваленным здесь хламом, просто не обращая внимания), он добрался до шкафчика с рабочей одеждой и без каких-либо проблем обнаружил там заветный ключик от дома. Необходимый инвентарь для путешествия был собран: вешалка с костюмом в одной руке, ключ от квартиры зажат в зубах, вторая же рука освобождена от поклажи – ей предстояло поработать «зондом».

Повторный переход до генераторной не принес ни новых испытаний, ни свежих ран. А уж с фонарем дела и вовсе пошли на лад – до железной двери Ник добрался чуть ли не вприпрыжку.

* * *

Квартира встретила его ощущением тепла и уюта. Дом, когда-то ставший родным, – впрочем, другого Ник и не помнил, – искренне радовался возвращению младшего хозяина. И человек обычно отвечал ему взаимностью. Но только не сегодня, слишком долгим и тяжелым выдался день. А впереди еще ждал осмотр костюма (от одной мысли о том, какие артефакты³ могут обнаружиться на задней части пиджака, сердце безвозвратно уходило в пятки) и встреча с разъяренной валькирией (или даже фурией), черт знает сколько времени ожидающей его перед закрытой дверью.

Благоразумно расставив приоритеты, Ник первым делом бросился заглаживать вину перед Ольгой – проклятый костюм никуда не денется, а девичье терпение может и лопнуть, с совершенно непредсказуемыми последствиями и невероятным радиусом поражения.

В экстравагантном наряде, состоящим из одних трусов и пары ботинок, появляться перед девушкой и ее спутницами явно не стоило, потому Ник ограничился тем, что убрал преграду между тремя девчонками (их количество он рассмотрел в глазок) и квартирой. Одним словом, отпер дверь. После чего стремглав бросился в свою комнату. Пока он будет изучать последствия неразумного обращения с «Армани», умничка Ольга найдет, чем развлечь гостей.

По шуму в прихожей хозяин догадался, что его маневр с дверью не остался незамеченным, значит, одной головной болью стало меньше. Пора приступать к дефектации костюма.

Когда осмотр был закончен, Ник почувствовал себя заново рожденным. Кроме пыли и легко стираемой грязи, ничто не говорило о том, что некий вандал, совершенно не умеющий ценить древние сокровища, некоторое время назад валялся в данном произведении искусства на бетонном полу. Юноша не знал, какие силы благодарить за неожиданное везение, которое весь день обходило его стороной, а под вечер, наконец, проявило к нему свое могущественное снисхождение, и потому, не теряя больше времени, нацепил на себя многострадальную одежду. Преисполнившись довольством и благодатью (это выражение Ник почерпнул в одной из дядиных книжек), он отправился встречать гостей.

Выйдя из комнаты в неосвещенный коридор, являвшийся по совместительству прихожей, юноша по едва заметному сквозняку понял, что дверь в квартиру не закрыта. Не было у жителей метро, обитающих в большинстве своем в палатках и фанерных «скворечниках», привычки запирать за собой замки и засовы. Ника это страшно раздражало, но даже Ольга, не страдающая ни слабоумием, ни склерозом, всякий раз забывала об этом маленьком, но совершенно обязательном действии.

Хозяин квартиры исправил оплошность гостей нарочито громко – дверь захлопнулась с оглушительным металлическим грохотом. Безалаберная Оля должна была услышать адресованный ей упрек.

С тихим (на этот раз) удовлетворением Ник щелкнул клавишей выключателя – сумеречными путешествиями на сегодня он явно пресытился. Впрочем, лампочка его прошлых мучений не оценила и не зажглась, что означало только одно: дядя опять нарушил клятвенное обещание заменить, наконец, расшатавшийся контакт. Помянув необязательного родственника нелестным словом, племянник «клятвопреступника» побрел в сторону гостиной, где, судя по шуму, уже всю хозяйничала Ольга. Правда, идею осветить прихожую не оста-

³ Здесь: дефекты, изъяны.

вил – на противоположной стене находился дублирующий выключатель, вполне исправный. Ник вытянул руки, чтобы не врезаться в каменное препятствие мягкими, но драгоценными частями тела, и тут же услышал в темноте тихий, испуганный вздох. Спустя мгновение на его барабанные перепонки, совершенно не готовые к подобному развитию событий, обрушился дикий крик, а по глазам ударил яркий свет лампы – кто-то опередил его и первым добрался до выключателя.

Глава 3

Экскурсия в двенадцатый год

Контуженные органы чувств приходили в себя долго – глаза резало, в ушах звенело. Для полноты ощущений – пересохло в горле, видимо, от пережитого стресса. Крикуну, вернее крикунье, повезло еще меньше – она бездвижно лежала на полу у его ног. Без сознания и признаков жизни.

– Эй, спящая королева, очнись! – Ник галантно припал на одно колено и взял притихшую девушку за руку. Пульс, слава богу, прощупывался. – Или ты ждешь соблюдения сказочных канонов?

Ее веки затрепетали.

Пробуждение было похоже на сказку. Лариса открыла глаза и в ярком белом свете увидела *Ego!* Принца из своих грез... Он с интересом смотрел на нее и улыбался – широкой белозубой улыбкой. В подземном царстве щербатых ртов и гнилых зубов таких улыбок не бывает... Спокойные, чуть насмешливые серые глаза, в них читалось что-то хорошее и теплое, чему нет названия, а еще легкая, едва ощутимая тревога – за нее!

– Здравствуй!

Лариса попыталась ответить на приветствие, но залюбовалась его волнистыми русыми волосами, да так и замерла с открытым ртом. Ее робкий взгляд скользнул по чистой, здоровой коже, не обезображенной ни угрями, ни шрамами, ни язвами. Такого не могло быть в метро, где люди гниют заживо! Без солнца, без свежего воздуха – в вечном мраке, в пыли, отравляющей дыхание, в грязи, разъедающей плоть...

– Кто ты? – она хотела спросить, как он оказался здесь, в проклятом Тартаре, откуда пришел и где живут столь прекрасные существа, но предательский голос сорвался на неблагозвучный хрип.

– Вставай, пугливая незнакомка, – Принц протянул ей руку. – Обмениваться с девушкой именами в горизонтальной плоскости – чересчур интимное занятие. А мы еще даже не сняли одежду...

Откуда-то сбоку и сверху послышался женский смех. Сквозь пелену забытья и смущения Лариса узнала Марику и командиршу. Их присутствие раздражало, нарушало очарование момента... Это ее принц! Только ее и ничей более!

Девушка поднялась («какие сильные у него руки!»), презрительно оглядела конкуренток – те в открытую потешались над ней, скалились в мерзких ухмылках. «Это мой принц!» Она повернулась к нему и вновь потеряла дар речи. Принц не отличался высоким ростом или могучей статью, однако его наряд – воистину королевский наряд! – вскружил и без того кружащуюся от тихого восторга голову. Ларису качнуло.

Он ухватил ее за плечи и удержал на месте:

– Дядя был прав, костюмчик и вправду сногсшибательный!

Девушка не поняла его слов, но она мало что понимала в эту секунду. Прижаться к нему всем телом, ощутить дыхание, вкус его губ, заглянуть в глубокие, все знающие глаза...

– Я – Никита.

– Ч-что? – Лариса вздрогнула.

– Ты спросила, кто я. Я – Никита, – принц церемонно поклонился. – Для друзей – Ник. Но ты зови меня Никита, правила приличия не позволили мне сдружиться с бессознательной девушкой.

Девушка зарделась, когда смысл сказанного достиг ее взволнованного сознания. Даже пошлость делала его таким... желанным!

– Я – Марика, – пока Лариса заливалась краской, шустрая подруга приблизилась к Никите и протянула руку – якобы для рукопожатия. Но при этом хитрая дрянь так ловко повернула свою кисть, что принцу ничего не оставалось, кроме как поцеловать тощую конечность. Впрочем, выглядел он при этом вполне довольным. Лариса взревела про себя от едва сдерживаемой ярости: «Вот ведь сучка!»

– Какое необычное имя...

– Чешское. Мой папа родом из Чехии, – охотно пояснила Марика и небрежно махнула в сторону пунцовой от переизбытка чувств подруги. – А это Лариска.

– Меня же называй Олечкой, – елейным голоском представилась командирша, бесцеремонно расталкивая девчонок. Она присела в манерном, явно издевательском книксене и закончила уже совершенно иным, угрожающим тоном: – А для друзей, особенно – для очень сильно провинившихся, вечно опаздывающих друзей, я – Тестикуларезка!

Лариса не знала этого странно звучащего слова, однако по внезапной бледности принца сделала однозначный вывод о малопрятности данного прозвища.

– Вину искуплю... чем смогу, – Никита быстро взял себя в руки и теперь лучезарно улыбался злобной Непонятно-чего-резке. – Только давай без членовредительства? Говорят, снаряд два раза в одно место не попадает.

Командирша в удивлении изогнула бровь:

– Меня опередили? Начисто срезали?

– Скорее, отдавили. Тяжелой бутылкой, упавшей с высоты полутора метров, если тебе интересно. Было жутко больно.

– Бедняжка! – Ольга ласкового погладила несчастного принца по щеке. От вида этих нежностей Лариса только заскрежетала зубами.

Нервная реакция девушки не осталась незамеченной, и хозяин квартиры, наконец, отвлекся от малопонятной заскучавшим гостям беседы. Учтиво раскланявшись перед ними, он принес витиеватые извинения, полные затейливых и даже совсем уж малознакомых слов (Лариса вновь почувствовала, как буквально тает от его речей), а затем предложил немедленно приступать к главному.

– Я рад, что вы приняли мое приглашение и решили заглянуть в счастливое и беззаботное довоенное прошлое, узреть своими прекрасными очами крошечный кусочек жизни *До*, прикоснуться к быту *тех* людей. Наша экскурсия, плавно переходящая в ретро-вечеринку, начинается!

Новоприбывшие опасливо переглянулись, и Никита понял, что значение слова «ретро» придется объяснить:

– Ничего извращенного. Проведем пятницу так, как делали это наши предки в начале двадцать первого века.

– А точно все бесплатно? – недоверчиво выдавила Лариса. Возненавидела себя за этот вопрос (а что будет, если принц ответит «нет»?!), но природная бережливость, именуемая в народе домовитостью, не могла пропустить скользкий момент. Благодаря магическому «бесплатно» она, собственно, здесь и оказалась.

Вместо принца ответила командирша, кинув в спину презрительное: «да иди ты уже, крохоборка, никто с тебя патрона не возьмет».

У Ларисы сжались кулаки: сейчас кто-то ответит за крохоборку!

– Тише, дамы! В две тысячи двенадцатом году, куда я имел честь вас пригласить, агрессия была не в моде, – обходительный Никита погасил нарождающийся пожар. – Прошу всех снимать обувь, в то достославное время гости переодевались в домашние тапочки. Вещи складывайте сюда, с рюкзаками по квартирам тоже мало кто расхаживал. За их сохранность не беспокойтесь, просто наслаждайтесь двенадцатым годом, тогда чужого не брали.

Пока девушки возились с ботинками и вещмешками, гостеприимный хозяин исчез на кухне, откуда вскоре показался с круглым подносом. На подносе, – о боги! – стояли фужеры с... шампанским?!

Никита с извиняющейся улыбкой опроверг поспешную догадку Ларисы:

– К сожалению, и фужеры не хрустальные, и содержимое несколько более современное. Зато рецепт настойки из наших времен – экскурсионных. Угощайтесь, красавицы!

Он раздал пластиковые бокалы, поднял свой и с кратким тостом: «За двенадцатый год!» «чокнулся» с каждой гостьей. Когда все сделали по глотку, пояснил:

– Это так называемый «комплимент». Хозяевам полагалось угощать визитеров легкими напитками. А те, в свою очередь, приносили к столу более серьезный алкоголь. Лариса... – теперь он обращался исключительно к ней. Девушка напряглась и засмузилась одновременно. – Не переживай, в данном пункте мы нарушим старинную традицию.

Марика и командирша ослабились, Лариса в очередной раз зарделась. Принц же примирительно обнял ее за плечи и обвел рукой вокруг помещения («какие у него изящные, длинные пальцы!»):

– Повторюсь, то, где мы находимся, называлось прихожей. Здесь полагалось снимать верхнюю одежду и обувь. Следующий пункт назначения – гостиная комната.

* * *

Рассказывая об особенностях гостиных комнат в обществе *До*, Ник с увлеченностью естествоиспытателя приглядывался к «экскурсанткам». Марика – интересная. Не сказать, чтобы особенно красивая, но с изюминкой во внешности, есть некое лукавство в глазах, озорное, почти хулиганское. Хочет казаться простой и открытой – когда надо, восхищается увиденным, своевременно грустит о чужом прошлом, умиляется умилительному, смеется смешному. С ним приветлива и чуточку кокетлива. Однако все в меру – в меру восторгов, грусти, умиления, кокетства. В ту меру, которую отмерила сама себе. Непростая штучка, с сюрпризом. Скорее всего, неприятным.

Лариса... с этой проще, все написано на лице. Хочу рыцаря (а возможно, и кого рангом повыше) в сером костюме, вместе с его трехкомнатным замком. И уже где-то на периферии сознания примеряет пропадающие зря хоромы на себя: здесь будет жить мама, здесь с шиком разместится она сама, а лишние рыцарские вещички переедут на рынок или барахолку – кому нужны эти бесполезные книги?! Она смотрит на него с восторженным подбострастием, вполне искренним, ей до жути хочется прикоснуться к чужому благополучию, разделить его...

– Никита?

Юноша с трудом отогнал несвоевременные мысли. Марика глядела на него с тревогой и удивлением, за которыми, впрочем, читалась усмешка:

– Ты завис на полуслове.

Ольга, знавшая Никитину привычку впадать в несвоевременную рефлексию, ухмылялась. На симпатичном, но не особо умном лице Ларисы ничего не изменилось. Экзальтированная молодая особа – кажется, так в старину называли подобных дурочек?

– Марика, нет большого греха в том, чтобы остановиться и подумать, – он укоризненно покачал головой. Заставить насмешника почувствовать неловкость – обычное дело. С таким-то учителем, как дядя!

– О чем же задумался безгрешный мыслитель? – Ольга, как всегда, не смолчала. Ну и характер!

– Милая Марика, – демонстративно игнорируя Ольгу, Ник взял гостью под руку и увлек за собой. – Ты любовалась когда-нибудь видом из окна?

– Что?

– Окно, моя маленькая подземная принцесса, – краем глаза он заметил, как дернулась Лариса. Оля, к сожалению, даже не поморщилась, невинной манипуляцией ее не проймешь. – Такой проем в стене...

– Я не идиотка! Только чем там любоваться?

– Есть вещи, недоступные живущим под землей, – Ник бережно раздвинул тканевые занавески на дальней стене гостиной, за ними скрывалось большое темное окно. Естественно, декоративное: глухое углубление с подоконником, рамой и даже стеклом. За стеклом – закат. Не тот, что выжигает сетчатку лишь от одного неосторожного взгляда, а всего лишь безобидный рисунок из тех времен, когда Солнце еще любило Землю и ее обитателей. – Это, конечно, не настоящее окно, сплошная имитация. Однако весьма ловкая.

Юноша красноречиво кивнул Марике, приглашая к себе. Та послушно придвинулась, но имитацию оглядела с явным сомнением:

– Ничего ловкого не вижу.

– А вот так? – Ник раскрыл настежь форточку, и девушка без колебаний прильнула к образовавшемуся отверстию.

Марика около минуты стояла неподвижно, всматриваясь во что-то видимое ей одной. За ее спиной недовольно шипела Лариса, подгоняя подругу и требуя «показать всем». Нику пришлось успокаивать нетерпеливую гостью, он приложил к губам указательный палец и негромко пообещал: «зрелища хватит на всех».

Внезапно Марику зашатало, она неловко вскинула руки, ища опору, и неминуемо оказалась бы на полу, не подхвати ее готовый к такому развитию событий Никита.

– Как ты?

– Голова... кружится... А ты... сволочь... – девушка говорила прерывисто, переводя сбившееся дыхание. – Что... это... было?

– Оптическая иллюзия. Дядя из линз и зеркал собрал что-то типа калейдоскопа, – начал рассказывать Ник, но быстро осекся, поняв, что объяснения не помогут. – Это обманка, тебе казалось, ты смотришь на город с очень большой высоты. Как ощущения?

– Странные. Очень, – она вздохнула и замолчала.

– Так и должно быть, – Никита прижал дрожащую девушку к себе и ласкового погладил по волосам. Марика не возражала. – Метро – это плоский мир. Мы, рожденные здесь, ничего не знаем о высоте, горизонте, перспективе, об открытом пространстве. Мы не представляем существования без стен и потолков, старики считают нас инвалидами... Я только что дал тебе возможность почувствовать себя полноценной.

– Зачем?

– Не знаю. Но ведь ты запомнишь это ощущение? Разве оно того не стоит?

– Это жестоко.

Ник пожал плечами:

– Жизнь под землей слишком однообразна и скучна. Не очень разумно лишать себя сильных эмоций. Есть и еще кое-что: когда-нибудь люди вернутся на поверхность, должны вернуться. Там наша естественная среда обитания, и мы не должны прирасти к земле мясом, костями, корнями, умами и прочими частями тела. Для того и нужна встряска. Чтобы помнить, чтобы не забыть, кто мы и для чего мы.

Марика молчала. Притихла и Лариса, она больше не рвалась к зрелищу, лишь нервно кусала толстые губы. Зато на заднем плане всю веселилась Ольга: томно закатывала глаза, заламывала руки, потешно морщила брови, изображая девчонок, до крайности озадаченных «Никиткиными откровениями» (ее термин). Под конец представления, разыгрываемого для единственного зрителя, пересмешница сложила пальцы пистолетом, приставила к виску и беззвучно, одними губами «выстрелила»:

– Бу!

Ник исподволь погрозил ей кулаком, старательно сдерживая смех. Редкая экскурсия обходилась без калейдоскопа и следующего за ним пафоса – аттракцион был специально придуман для таких гостей, как Марика: скептических, самоуверенных *лукаёвок* (данный термин принадлежал уже самому Никите, не питавшему никаких оптимистичных иллюзий относительно лукавых, слабо прогнозируемых девушек). «Путь к сердцу строптивницы лежит через вестибулярный аппарат» – чем не истина, к тому же проверенная опытом и временем? Надо будет рисануться перед дядей, он оценит...

– Лариса, а ты желаешь приобщиться к запретному калейдоскопу? – Ник снова лез из кожи вон, изображая из себя джентльмена.

Девушка настолько энергично закрутила глупенькой головкой, что чуть было не словила эффект калейдоскопа без самого калейдоскопа.

– Тогда позвольте продолжить наше увлекательное путешествие по довоенному миру. Следующая остановка – кухня. Там очаровательная Ольга предложит вам аперитив.

«Очаровательная Ольга» скорчила такую рожу, что Ник серьезно засомневался в собственных словах. И про очарование, и про аперитив. К счастью обошлось – скорченная рожа разгладилась, превратившись в обманчиво ангельское личико, а напитки (все та же настойка) и легкие закуски (сушеные грибы) были поданы гостям. Правда, с царственным достоинством, многими принимаемым за высокомерие – в лучшем случае или презрение – в обычном.

– Наши предки не особо жаловали сушеные грибы, – честно признался Никита, отвлекая внимание от капризной Ольги. – Однако с аутентичной пищей нынче полная беда. Надеюсь, вы меня простите за это невольное и трудно исправимое упущение.

Упущение ему благосклонно простили, даже не попеняв непонятной «аутентичной пищей». После напитков, повторенных несколько раз, настроение у всех заметно улучшилось. Кое у кого даже сверх меры. Ник с осуждением смотрел на быстро захмелевшую Ларису, которая так и норовила оставить себе на память какую-нибудь старинную безделушку. Хорошо, что за «клептоманкой» присматривала бдительная Ольга, под таким серьезным надзором имущество было в полной безопасности.

Ник подумал: если бы ему пришлось просить прощения за каждую вещь в квартире, не принадлежащую довоенной эпохе, то девяносто процентов экскурсии состояло бы из сплошных извинений. Именно такую долю в интерьере занимали подделки – талантливая, весьма убедительная имитация, сотворенная дядиными руками. Ну, какой сталкер в здравом уме потащит с поверхности двуспальную кровать, шкаф, обеденный стол, неподъемную сейф-дверь, кухонный гарнитур, кожаный диван, огромную ванну, наконец? Правильный ответ: никакой. Мародеры с удовольствием (и хорошей прибылью) пополняли антикварную лавку, чей ассортимент целиком состоял из компактных и практически ничего не весящих предметов – мобильных, навигаторов, плееров, диктофонов, часов и прочей мелочи. На так называемые «сверхгабариты» не подписывался ни один смельчак или дурак. Вот и пришлось неугомонному дядюшке воссоздавать внутреннее убранство *той* эпохи из элементов *этой*. Хлам, плюс развитая фантазия, плюс завидное умение работать головой и руками, помноженное на незаурядное терпение, равняется... Тому и равняется, что творится вокруг, на отдельно взятом кусочке постыдного рая. Уют, комфорт и ностальгия. Укоризненный ретро-привет из почившего Золотого Века.

Никита деликатно обхватил своими ладонями крепко сжатый кулак Ларисы. Та подняла на него невинные, ничем не замутненные, кроме алкогольных паров, очи и часто-часто захлопала ресницами. Однако изящную открывалку для бутылок (на редкость бесполезный аксессуар по нынешним временам, зато настоящий!) из загнутого кулачка выпустила.

– Ой!

Он обворожительно улыбнулся незадачливой воровке, всем видом демонстрируя пустячность инцидента:

– Ничего. Древности бывают на редкость прилипчивыми. Нужно обладать недюжинной сноровкой, чтобы избежать их соблазнительных чар, так похожих на паутину.

Фраза получилось сложноватой, но суть девушка ухватила – стыдить и карать за маленькие шалости ее никто не собирался.

Ник окинул подопечных чуть помутневшим взором. Алкоголь действовал на него ничуть не меньше, чем на девушек, – сказывалось отсутствие навыка в потреблении дрянных местных напитков. Одно дело – цедить по глоточку коньяк, совсем другое – бокалами заливать в себя низкокачественное пойло. Зачем он вообще столько выпил? Нервы и усталость, вот и весь сказ.

– Красавицы, с вашего позволения я скину свои боевые доспехи? – не дожидаясь ответа, юноша стянул с себя осточертевший пиджак и расстегнул все пуговицы на рубашке. «Надоело играть по дядюшкиным правилам». Без «панциря» стало намного легче и проще дышать.

Красавицы с нескрываемым интересом ждали продолжения импровизированного стриптиза, однако Ник не спешил оправдывать девичьи чаяния:

– У нас еще было запланировано посещение спальни довоенного человека, но это слишком вульгарно... Девушки той эпохи скучным постельным интересам предпочитали разнузданные пенные оргии. Пойдемте, я научу вас плохому.

Гости-подружки переглянулись между собой и пьяно захихикали. Ольга хмыкнула, то ли неодобрительно, то ли... Ник не всегда правильно расшифровывал ее мимику и жесты, она вообще часто ставила его в тупик. Непредсказуемая – и этим все сказано.

Окончательно расправляясь с нелюбимым образом джентльмена, Никита вытащил рубашку из брюк – строгая сорочка навывпуск, к тому же распахнутая на груди, что может быть brutальнее? Жаль, не хватает бугрящихся под одеждой мышц, но кто из присутствующих здесь дам видел под землей качков? Он, конечно, не мачо (очередное словечко из богатого дядино лексикона), но и сам по себе парень не промах (и еще одна полузабытая идиома от того же источника).

– Смелее, мои прекрасные соблазнительницы... – Ник оборвал себя на полуслове, осознав, что до сих пор использует манерную джентльменскую речь. Мало снять с себя смокинг, нужно переключить рубильник в голове. Хотя бы на положение «простой пацан, свой в доску». – Девчонки, айда за мной, такого в Метро вы нигде больше не увидите, зуб даю!

Он не врал.

* * *

У дяди было великое множество пунктиков. Начиная с крошечных пунктичков («детенышей пунктиков» – в терминологии понятно кого), заканчивая гигантскими «квazarоподобными пунктоидами». Предводителем всех пунктиков («верховным пунктиатором») значилась страстная, ни с чем не сравнимая любовь к водным процедурам. До Катастрофы Александр Кузнецов удивлял окружающих двухчасовыми заплывами в ванной, причем принимал он ее не реже трех раз на дню. Горячая вода помогала ему сосредоточиться, отвлечься, подумать, принять важное решение. В ванной он отдыхал, работал, отдыхал от работы, работал ради отдыха, одним словом, жил. У каждого свои странности, что тут скажешь.

Однако смена ареала обитания никак не способствовала дядиному увлечению: трудно в подземных казематах с горячей водой, да ванны в большом дефиците. Другой бы успокоился, навек забыл, что он амфибия, и со временем обязательно приспособился бы к безвылазному существованию на суше. Говорят, когда-то эволюция проделала именно такой

путь. Впрочем, дядюшка Дарвина не уважал, к его теории относился без должного пиетета и наверняка мечтал вернуться в море (обязательно теплое), хотя бы в следующей реинкарнации – например, перевоплотившись в кашалота или, на худой конец, дельфина.

Презрел дядя и невыносимые условия постыдадерного мира, начисто лишенного водопроводных радостей. Никто не знает, каким образом он соорудил некое подобие ванной, но он это сделал. Лишь Ник был в курсе некоторых инженерных решений, позволявших согреть воду до приличных температур, а потом и сохранять ее теплой относительно долгий период. Сама система выглядела устрашающе, в принципе не имела слива (после ванн процедур вода вычерпывалась ведрами), «паровой бани» и «гидромассажа» (Ник даже не пытался выяснять, что это такое), зато она возвращала любимому родственнику ощущение счастья и полнейшего довольства «какой-никакой, но жизнью».

Самодовольная улыбка не сходила с губ Никиты, пока он наблюдал за ахающими и охающими гостями. Те, пребывая в состоянии близком к шоковому, круг за кругом обходили постамент с ванной и вид при этом имели совершенно очумевший. Он даже начинал потихоньку опасаться за их душевное спокойствие и благополучие. К счастью, обошлось: девичья психика с горем пополам вынесла картины райского бытия.

– Принцессы, хватит глазеть, вода остывает, пора переходить к телесным радостям, – подавая пример другим, Ник обнажился по пояс, рубашка аккуратно легла на деревянную скамью.

Лариса с Марикой переглянулись. Борьба соблазна с моральными устоями продлилась буквально несколько секунд. Марика сдернула с себя кофту, а Лариса... Лариса жалобно проблеяла:

– Я не могу.

У Ника отвисла челюсть. Он испытывал некоторые сомнения относительно Марики, та могла заартачиться в последний момент, но Лариса!

– У тебя есть предубеждения против водных процедур? – вкрадчивым голосом поинтересовался он. – «Ты один не умывался и грязнулею остался»...

Стишок из прошлого века прозвучал устрашающе, девушка вздрогнула.

– Я хочу, очень хочу! Правда! Но не могу. При свете.

Марика противно захихикала. Видимо, что-то знала про светобоязнь подруги.

Ник обернулся к Ольге с немим укором: «где ж ты взяла такое чудо?»

Впрочем, та с живейшим интересом рассматривала гелиофоба⁴ и Никитино укора просто не заметила.

– Хорошо, я погашу лампочку, – решение далось ему легко. Юноша физически не мог слышать, как дизель-генератор, находящийся достаточно далеко отсюда, начинает кашлять от нехватки соляры, однако ощущение, что именно так и происходит в эту самую минуту, возникло у него в довольно навязчивой форме. – Давайте экономить электроэнергию.

Лариса радостно закивала.

«Странная она какая-то». Перед тем как щелкнуть выключателем, Ник спросил:

– Свечки-то можно зажечь? Обычные смертные, в количестве трех особей, – он поочередно ткнул пальцем в Марику, Ольгу и самого себя, – темноты бояться...

– Конечно! Обязательно! – Лариса опять кивнула – торопливо, заискивающе. – Я тоже боюсь.

Кто-то из девчонок сочувственно хмыкнул.

Самодельные свечи отчаянно коптели, свет же давали неровный и скудный. При таком условном освещении Ник, как ни старался, не смог рассмотреть в раздевающейся Ларисе ничего странного. Что увидишь на темном силуэте? Полновата, возможно, тело чуть непро-

⁴ Гелиофобия – боязнь света.

порционально – коротенькие ножки, слишком широкий таз. Вот весь исчерпывающий список наблюдений.

Когда Лариса поднялась на постамент и уже занесла одну ногу через край ванны, ей в лицо ударил яркий луч света. Девушка закричала, руками прикрыла глаза и обнаженную грудь. Не обращая никакого внимания на крик, луч скользнул ниже и застыл на ее незащищенном животе.

– Твою мать! – коротко выругалась Ольга и отвела фонарь в сторону. – Гэмэшница хренова!

Ник не стал включать лампу, фонарик и так показал достаточно: тело гостыи было покрыто мелким волосатым покровом. Может, и не все тело, лишь часть – живот и грудь, но большего и не требовалось. Отличный маркер мутации.

Марика засмеялась – нервно, и как показалось Нику, мстительно:

– У Лариски на нашей станции погоняло Винни Пух. За рыжий мех и толстую жопу.

– Одевайся, – Никита протянул дрожащей, изо всех сил пытающейся не разрыдаться Ларисе ее одежду.

Он злился, очень сильно злился. На дурную Ларису, на Ольгу, которая ее сюда притащила, на себя, что вовремя не разглядел странностей во внешности и поведении.

– Нельзя нарушать табу, – Ник старался говорить спокойно, не выдавая раздражения и брезгливости. – ГМО нельзя спать с людьми. Карается изгнанием. Для обоих. О чем ты думала? Уходи, мутантам не место в две тысячи двенадцатом году.

Лариса ничего не ответила. Молча собралась и, ни на кого не глядя, вышла из ванной комнаты. Ник догнал ее в прихожей, Девушка в темноте пыталась нащупать свой рюкзак.

Никита включил свет. Подождал, пока девушка натянет свою порядком поношенную обувь и закинет за спину старый вещмешок.

– Прощай.

– Я не найду дороги обратно, – голос ее звучал глухо.

– Прямо по коридору, плита открыта, за ней по туннелю направо. До станции пять минут хода.

– Но командирша водила нас целый час!

– Следы запутывала. Уходи.

Лариса вышла через открытую железную дверь, на пороге обернулась:

– Ненавижу вас, сук поганых!

– Прощай.

Дверь с грохотом захлопнулась за мутантом.

Глава 4 «Его убили»

«Вот тварь!» – с ненавистью подумал Никита и задумчиво побрел к оставшимся гостям. Случившееся не укладывалось в голове.

В ванной он застал благостную картину: Ольга с Марикой сидели в воде и живо обсуждали что-то между собой. Выглядели обе сообразно ситуации – весьма соблазнительно.

Однако, прежде чем присоединиться к прелестницам, Ник опасливо кивнул в сторону Марики:

– Никакой шерсти?

Ольга ухмыльнулась:

– Только там, где положено.

– Почему ты ничего не сказала про подругу? – Никита присел на край ванны и уставился на Марику. Глаза его никак не могли сосредоточиться на ее лице. На чем угодно, но только не лице.

– У нас на станции с этим проще. Категорический запрет якобы есть, как и везде, но наказание следует исключительно в случае беременности, и только носителю мутации. Говорят, наш главный сам не без греха... – девушка недовольно поморщилась, казенные речевые обороты давались ей с трудом. А вот лукавая улыбка, появившаяся в следующее мгновение на устах, смотрелась вполне привычно. – Да и мы с Лариской шли всего лишь на экскурсию, кто ж знал, что экскурсовод такой озабоченный попадет.

Ольга прыснула от смеха, Марика ее поддержала. Засмеялся и Ник, кажется, накопившееся напряжение и злость, наконец, отпустили его. Раздевшись без всякого смущения, он плюхнулся к девчонкам в воду. Тут же притянул их к себе – Ольгу чмокнул в губы, а Марику целомудренно – в мочку уха.

– Ты точно не мутант?

Та отрицательно мотнула головой, но как-то чересчур медленно и неуверенно. И эта медлительность не укрылась от юноши.

– Да, блин! Точно не мут?!

– Хуже, – Марика печально вздохнула и отвела глаза.

Волосы на голове Ника зашевелились. Нехорошее предчувствие, родившееся где-то в районе сердца, а затем рухнувшее в область пяток, их буквально наэлектризовало.

– Я несовершеннолетняя.

Ольга и Ник вылетели из ванны синхронно, оглашая тишину яростным:

– Твою мать, твою мать, твою мать!!!

Когда эхо, наконец, затихло (Ник раньше и не подозревал, что оно может быть в этом помещении), девушка горько добавила:

– Шестнадцать послезавтра стукнет. Приехала к вам на Донскую подарок выбирать... На совершеннолетие.

– Вы все на Лесопарковой от мороженые?! Одна под изгнание чуть не подвела, вторая – под смертную казнь. Дуры конченные! – Ника трясло. Он захлебывался словами, самые отчаянные и злобные ругательства застревали в горле, мешали дышать.

– Никита! Никита, успокойся! – Ольга схватила его за плечи, оттащила подальше от ванны. – Не кричи, девочка сама призналась, предупредила... Все нормально.

– Будьте вы людьми, – Марика вдруг заговорила уверенно и даже с нахальством в голосе. – Девочка первый раз в жизни принимает настоящую ванну! Дайте человеку кайфануть от души. – но закончила она уже с плаксивыми интонациями: – Ну, пожалуйста. На День Рождения... подарок...

Никита несколько секунд ошалело крутил головой, приходя в себя. Вот ведь охреневшая девица!

– Не будь ты букой, – добила его Оля, никогда ранее в сердобольности не замеченная. – Сделай ребенку приятное.

– Сама делай ей приятное. Потри спинку, например! – прорычал вконец обозленный Ник. – Развлекайтесь, жалко, что ли. Хоть детский утренник устройте – с клоунами-мутантами!

– Ушел, – шепотом констатировала Марика.

– Ушел, – согласилась Ольга. – Не обижайся на него, он хороший. Вспыльчивый только и обломы тяжело переживает... Сам, как ребенок, если настроится на что, а оно не получится... Праздника малыш ждал, с девками и весельем.

– Ты странная.

Ольга удивленно взглянула на малолетку.

– Почему?

Марика печально улыбнулась:

– Я же вижу, как ты на него смотришь. Сама без двух дней женщина... Не ревнуешь к такому веселью?

– Все мы со странностями. Ник во всем хочет походить на своего дядю, а тот знатный кобель – породистый, аристократичный, но кобель. Видела бы ты его! По нему вся женская половина станции сохнет, а мужская молча терпит, за прежние и нынешние заслуги (не на любовном фронте, понятно). Мужик мировой, настоящий, таких больше не делают... Но Никита мечтает доказать, что ничем не хуже... Говорят, мальчишки умнеют только к годам пятидесяти, но там уже подстерегает новая напасть: бес-в-ребро.

Обе рассмеялись старой женской истине.

– Ты права, – Ольга присела на край ванны, запустила руку в приятную теплую воду. – Меня на станции чуть ли не сводней считают, причем, придурочной. Поставляю любимому девок всех мастей и калибров... И это очень странно, ты права.

– Все мужики – козлы, а бабы – дуры, – заключила Марика с нескрываемой грустью с голосе. – Извини, что я с возрастом обманула.

– Да проехали...

– Ты не поняла. Мне послезавтра не шестнадцать исполняется. Семнадцать. И своим телом давно распоряжаюсь, как хочу. Я заметила, как ты по «экскурсоводу» сохнешь, ну, и скостила себе годик. Женская солидарность, мать ее так. Раз уж мы все бабы-дуры, то и в дурости своей должны друг друга поддерживать.

Ольга расхохоталась, да так отчаянно, что чуть было не слетела с кромки ванны в воду. Успокаивалась она долго, а потом еще дольше вытирала слезы, брызнувшие из глаз.

– Ну, ты даешь, подруга! Рассказывают, дядя Ника до смерти забил одного педофила, покусившегося на беззащитную сиротку. Ты представляешь, что сейчас творится в голове бедного Никитоса?

Марика выглядела сконфуженной:

– Могу во всем признаться и объяснить, что он просто не привлек меня, как мужчина.

– С ума сошла? С его-то мнительностью! Он уверен, что дяде такого отроду не говорили и никогда не отказывали. Пусть лучше остается педофильская версия, она гуманнее. – Ольга замолчала, но после небольшой паузы спросила: – А он тебе правда не понравился?

– Ага, как же... Классный он, особенно когда джентльменом прикидывается. Попробуй такому откажи... Если б не твои несчастные глаза... – Марика укоризненно цыкнула языком и в очередной раз повторила, на этот раз с обидой: – Бабы – дуры. Полные, бесповоротные,

беспросветные. Ладно, Оля, засиделась я в гостях, впечатлений нахваталась на год вперед. Пойду. Расскажешь, как на станцию выбраться?

Ник сидел за кухонным столом и не очень убедительно делал вид, что читает книгу. Девушка подкралась к нему сзади и нанесла сокрушительный... поцелуй в шею. От неожиданности он вздрогнул всем телом, но коварная нежность уже воплотилась. За ней последовал контрольный удар:

– Ты самый прикольный, Ник-Никита, – Марика прижалась губами к его уху. – Я буду думать о тебе все свое совершеннолетие. И не провожай меня, пожалуйста, побереги девичье сердце.

Негромко хлопнула входная дверь. Странная девчонка ушла.

– Бабы – дуры, – сам того не желая, Ник воспроизвел любимое выражение странной девчонки.

* * *

– Охренительный денек у меня выдался! – Ник с силой хлопнул ладонью по воде, брызги полетели Ольге прямо в лицо. Девушка в долгу не осталась, щедро окатив агрессора в ответ. Они вновь находились в ванной, однако на этот раз тет-а-тет.

– Сначала наш магазин пытались обчистить, – начал перечислять юноша. – После я получил бутылкой по яйцам, а это, признаюсь, больно до жуткой жути, и к тому же обидно.

– До обидной обидки, – беззлобно передразнила Ольга. Ник пытался расслышать в ее голосе хоть тень сочувствия, но напрасно – девушка веселилась и сопереживать его мужскому горю вовсе не собиралась.

– Затем я посчитал, что убил костюм...

– А вот это серьезно, – Оля хмыкнула с пониманием: трепетное отношение Никитино дяди к деловой одежде недалекого прошлого было общеизвестным. – Уж лучше яйца всмятку... Обошлось?

– Если ты про костюм, то обошлось, конечно. Иначе бы давно вскрыл себе вены, прямо здесь, в ванной.

– Фу, как пошло!

– Зато не так больно, как четвертование! – Ник обиженно фыркнул. – И вообще, не перебивай меня, когда я жалуясь на жестокую судьбу!

– Ну-ну, – девушка обвела взглядом роскошные апартаменты и выразительно постукала по бокам ванны. – Бедняжечка!

Никита пропустил издевку мимо ушей.

– Потом меня чуть было не изнасиловал мутант Винни Пух – мохнатый, и, по заверениям очевидцев, толстожопый. Завершение веселого дня выдалось поистине фееричным – растлительница-малолетка покусилась на мою запоздалую невинность!

Ольга хохотнула:

– Запоздалый девственник – звучит свежо, особенно из уст практикующего развратника во втором поколении!

– Тебе смешно, а я все думаю: меня бы сначала изгнали за связь с ГМО, а потом расстреляли за Марику? Или сначала расстреляли?

Смеялись оба. Потом долго и нежно целовались.

– Ты знаешь, – он ласково куснул ее за ушко. – Может, день и не такой уж дерьмовый...

Ольга прижалась к его щеке, волосами пощекотала лицо. Со вздохом отстранилась, посмотрела на него. Нехороший у нее был взгляд, слишком печальный, слишком... Ник вновь не смог расшифровать того, что скрывалось в темных, наполненных влагой глазах.

– Что случилось, ты плачешь?

– Не обнадеживайся, Ник, день на самом деле полное дерьмо.

– Знаю, но мы можем сделать его чуточку лучше.

– Я выхожу замуж, Ник, – Оля больше не смотрела на него.

– Ты с ума сошла? Это какой-то дебильный прикол?

– Дебильный прикол, – бесстрастным эхом отозвалась она. – Мне жутко хочется курить...

– Подожди, я приготовил для тебя сюрприз, – Никита поспешно выскочил из ванны. Он не понимал, почему и куда торопится, тягостное ощущение *заканчивающегося* времени застигло его врасплох. Придавило к земле, заставило действовать. Только не стоять на месте, только не...

Сюрприз лежал во внутреннем кармане пиджака – драгоценный, поблескивающий целлофановой упаковкой на гранях.

– Смотри! – он сунул сигареты ей в руки. – Настоящие. Довоенные. Тебе.

– Ты больной, – она заговорила не сразу, недоверчиво вертела пачку, качала головой, то ли в восхищении, то ли в чем-то еще, недоступном его пониманию («не умею тебя расшифровывать»). – Жалко же... двадцать лет пролежали.

– Может, в прах давно превратились... Открывай, чего тянуть.

Сигареты уцелели, не рассыпались в ее изящных красивых пальцах, не потеряли забытого на два десятилетия запретного вкуса.

– Как после такого курить местный самопал? – Ольга глубоко затаилась, закатила глаза от наслаждения. – Наверное, придется бросать.

– Давно пора.

– Вот и жених заставляет...

– Ольга, да что за пургу ты несешь?! – Ник сорвался на крик. – Какой в задницу жених?!

– Он с Ясневской общины. Хороший человек. Меня любит, – девушка откинулась на спинку ванной, пытаясь выглядеть расслабленной и спокойной. Лишь сигарета предательски дрожала в руке. – Свадьба через неделю. Сегодня прощальная вечеринка для нас с тобой. Завтра на станции меня уже не будет.

Ник не верил. Не мог и не хотел верить. Ольга, которая всегда была рядом, прекрасная, сексуальная, принадлежащая только ему... Мысли путались, слова не приходили.

– Почему?

Ольга продемонстрировала ему недокуренную сигарету:

– Это – ты. То, что ты олицетворяешь.

– Окурок?!

Она невесело рассмеялась:

– Нет, совсем нет. Угости меня еще сигареткой, целая будет выглядеть убедительней.

Оля извлекла из предложенной пачки сигарету, провела под носом, втягивая аромат. Ник протянул ей зажигалку, но девушка решительно замотала головой:

– Слишком много для одного не очень счастливого вечера. Их нужно беречь для больших праздников, растягивать на годы... Я боюсь, Ник, постоянно боюсь.

Она не дала перебить себя, жестом заставила его замолчать, не задать очевидный вопрос.

– Ты – эта сигарета, – Ольга осторожно крутила ее в руках, боясь сломать или уронить в воду. – Я никогда не знала этого вкуса и не должна была узнать. Наверное, так было бы лучше для меня. Когда не знаешь, ни о чем не жалеешь, ничего не вспоминаешь... Но на свою беду, я узнала, и уже никогда не забуду, как бы ни хотела. Последние годы я жила в постоянном страхе потерять то запретное, что ты мне подарил. Ощущение прежнего мира, «потерянного рая», как говорит твой дядя. В вашем мире нельзя жить, им можно только

любоваться. Желательно, издалека. Иначе поверишь в иллюзию и ни за что не захочешь возвращаться обратно.

– Милая, я не понимаю.

– Я влюбилась в иллюзию, а потом влюбилась в иллюзорного человека, живущего в иллюзии. Это неправильно, иллюзия не может полюбить в ответ, реальность всегда уступает мечте. Я бы очень хотела стать частью твоей иллюзии... Но я не сумею. Я родилась в метро, у нет другой жизни, кроме подземной.

– Оля, это какие-то бабские приколы. Остайся со мной! Я не понимаю, зачем...

– Я люблю тебя.

Ник никогда не слышал от нее этих слов. Хотел услышать, даже, наверное, мечтал, но сейчас Ольга пугала его, он вновь, как и всегда, не мог ее расшифровать.

– Люблю мир, из которого вы пришли, который в себе несете.

– Я тоже родился после войны, я такой же...

Она не слушала:

– Я живу в постоянном страхе, что иллюзия, прекрасный сон вот-вот развеется, меня разбудят и вышвырнут вон из сказки. Ник, мне нужно проснуться самой... Я – женщина, Ник, а женский век в Метро быстротечен... Скоро я постарею, подурнею и перестану соответствовать канонам сказки. Значит, пока еще не поздно, нужно подумать о семье и о детях. Ведь это – единственное будущее, которое у меня есть... может быть. И для того, чтобы не упустить свой шанс, я должна проснуться. Сама, Ник! Сама!

Она плакала.

Никита смотрел на нее. Не понимал, не верил. Слова оглушали. Нужно было срочно что-то сказать, отговорить, уберечь, но он оказался не готов. Ольга уходит. *Его* Ольга больше совсем не *его*! Какой-то хмырь, уродливый гоблин с чужой станции утащит красавицу в свою берлогу... Дядя предупреждал, и как всегда был прав, тысячу раз прав, но он, глупый самоуверенный Ник, не послушал, не принял всерьез.

Оглушенный юноша и рыдающая девушка не услышали шума, донесшегося из прихожей, не обратили внимания на быстрые шаги множества ног, раздавшиеся в гостиной. Только раскрытая с треском дверь в ванную заставила их вернуться в реальность. Поздно! Внутри уже ворвались люди, они громко и отчаянно кричали, Ник успел разобрать лишь «грязная тварь», когда чьи-то крепкие руки схватили его за волосы и мощным рывком, способным переломать шейные позвонки, погрузили с головой в воду.

Он сопротивлялся, захлебывался рвущейся в легкие водой, но бился до конца. Дикая воля к жизни, яростное желание защитить *его* Ольгу добавили сил. Однако их все равно не хватило, слишком неравной получилась схватка, слишком вероломным оказался противник. Уже не две руки – четыре! – душили его, погружали все глубже и глубже в так любимую дядюшкой теплую воду. И свет померк...

* * *

Сознание возвращалось мучительными толчками, с которыми из горла вырывалась вода. Жив! Ник рывком поднялся из ванны. От резкого движения закружилась голова, а ноги предательски подкосились. Он ухватился за края ванны и благодаря этому удержал равновесие. Его мутило, комната вокруг ходила ходуном.

Не добили? Или просто хотели припугнуть? Где Ольга? Мысли пробивались сквозь пелену забытья с невероятным трудом, вязли в ней словно в болоте. Казалось, он слышит, с каким скрипом работают мозги, просыпающийся от удушливого сна разум буксовал на месте, отказываясь подчиняться своему растерянному хозяину. Кто были эти люди? Почему

напали? Чего хотели? В ответ лишь глухая головная боль – режущее-колющая, как боевой нож сталкера.

Шатаясь, Ник выбрался на ровный, но не очень устойчивый пол. Вода стекала ручьями, собиралась под ногами в крошечные лужицы. Шторм в десять баллов? Или сколько их там всего... Под землей не бывает ни штормов, ни ураганов, даже хиленького морозящего дождика тут вовек не увидишь, разве что прохудится крыша над головой. Двадцатиметровая. Или тридцати? Да какая, к черту, разница?! Здесь царство штиля, застывшего воздуха, ни ветерка, ни сквозняка!

Тогда что холодит виски? Приятно холодит, освежающе. «Сколько я пробыл без сознания?» Не то. Почему воздух... движется?! Мокрая кожа ощущает его запрещенное реальностью движение.

Ник сделал первые шаги. Сначала придерживаясь – то краешка ванны, то ближайшей стены. Походка постепенно обретала твердость, ноги больше не сопротивлялись. Ник остановился в проеме двери, она была сорвана с петель и потому не могла закрыться, как ни старался дожиматель. В узком проеме странное поведение воздуха чувствовалось особенно сильно. Он потерял извечное непоколебимое спокойствие, перестал быть штилем. Взбунтовался? Возмнил себя... кем?

Это сквозняк – очевидный ответ слишком долго пробирался из недр подсознания. Наружная дверь не заперта! Она и не была заперта, иначе бы напавшие на него не ворвались сюда... Марика не захлопнула, когда уходила? Малолетняя дурочка! А через два дня станет совершеннолетней дурой. Не важно...

До Ника дошло, что он совершенно голый. Это его нисколько не смутило – каким еще можно валяться в ванной? Но теперь на суше стоило одеться. Только хватит ли у него сил натянуть штаны? А ботинки? И не упасть при этом...

Никита вернулся в ванную комнату, взял с крючка первое попавшееся полотенце. К счастью, достаточно большое, чтобы обернуть вокруг бедер. Нужно идти. Скорее! Ольга в опасности!

Откуда взялась мысль набрать полные ладони патронов? Не оружия, оно было запрещено на станции, а именно патронов. Ник доверился инстинктам. Какой смысл сопротивляться тому, что сейчас управляет его телом? Руки сами собой выгребли две россыпи пистолетных патронов из дядиного шкафа.

Можно выдвигаться. Босиком. Одетым в одно полотенце. Зато с двумя пригоршнями патронов!

Оправдание для мудрых инстинктов быстро нашлось, стоило выйти из квартиры. Патроноденьги понадобятся для ментов, чтобы не задержали за нарушение режима – разгуливать нагишом на платформе не особо принято. По крайней мере, на станции Донской. Кроме того, помощь работников правопорядка наверняка понадобится – для поиска злодеев. А ничто так не стимулирует к активному выполнению служебных обязанностей, как... Короче, понятно, шустрые инстинкты не сплеховали, пока лобные доли отчаянно давили на тормоз.

Прогулка по туннелю действовала благотворно. Отупение, вызванное насильственным мелководным погружением в собственной ванной, постепенно проходило. Ясность мышления, наоборот, возвращалась. А вместе со здравым смыслом пришла и злость. Лютая, но расчетливая, без пошлых аффектов. Сейчас прольется чья-то кровь. На этот раз – чужая!

Боль тоже отрезвляла. Босые ноги гнали по нервным окончаниям тревожные послания головному мозгу. Они молили прекратить пытку бетоном, остатками шпал и каменным мусором – всем тем, что встречалось на пути странно одетого (или раздетого) человека. Ник не реагировал на призывы, с каждой минутой становящиеся все сильнее и навязчивей. Собственная боль распалая, заряжала тот неведомый конденсатор внутри организма, что вот-

вот должен выдать ток страшного, убийственного напряжения. Осталось лишь найти адресата для этого импульса. Излить накопившиеся ненависть и злобу. Восстановить справедливость.

Он заметил дозорных раньше, чем те его. Не зря этот пост называли «потешным» – невелика доблесть охранять глухой туннель, давным-давно засыпанный на трехсотом метре.

– Никита, ты? – знакомый мент, имя которого совершенно вылетело из головы, нехотя оторвался от шахматной доски и поглядел поверх мешков с песком на незваного гостя. «Ходят здесь всякие».

– Ты Ольгу не видел? *Мою* Ольгу, – баррикада скрывала ненадлежащий внешний вид Ника от взоров служителей правопорядка, и потому он не спешил выходить на открытое пространство.

Мент хрюкнул с нескрываемым довольством:

– Твоя красатуля пять минут назад прогуливалась здесь в компании трех мужичков и какой-то толстожопой девицы.

– Куда они пошли?

– Да никуда, вон на платформе шумят.

Ник сорвался с места, обежал вокруг стены из мешков, и пока стражи не опомнились, сунул обоим по пригоршне патронов:

– Ребята, помощь нужна! Двоих ухарей на прицеле подержите, пока я с главным разбираюсь.

Дозорные несколько секунд смотрели на полубожаженного Никиту, затем на щедрое девятимиллиметровое подношение в собственных руках. Жадность без труда победила любопытство – практически, нокаутом.

– Не вопрос, подержим, разбирайся.

Выскочив на платформу, юноша сразу заметил троих мужчин, окруживших Ольгу. Один из них – коренастый широкомордый урод – держал девушку за волосы и что-то истошно орал ей в лицо. Гул станции заглушал слова, но уже с пяти метров разобрать «шлюху» и «грязную суку» удалось отчетливо.

Ник подлетел к мордастому сбоку и начал знакомство с увесистого и чрезвычайно смачного пинка под зад. Мужик от неожиданности покачнулся, но волосы девушки так и не выпустил. Ошарашенно огляделся по сторонам.

– Руки от девчонки убери, мокрожопый! – на заднице мордворота действительно отпечатался влажный след от голы ступни Ника.

– Ах, это ты, гаденыш? – мужик нехорошо оскалился. – Не утоп, значит? Не захотел водицы испить до доньшка? Так будешь жрать бетон!

Он сделал красноречивый жест своим подельникам, и те двинулись на Ника.

– Стоять! – синхронно рявкнули менты из-за спины Никиты и также синхронно наставили свои «укороты» на нападавших. – Разговор один на один.

– Мусорков с собой привел, Маугли? – мордатый скосил глаза на единственную деталь одежды Ника. – Чужих невест портить, так ты и в одну каску мастак, а как за дела свои ответить...

Ник, не веря своим ушам, уставился на Ольгу:

– Вот ЭТО и есть твой суженый? Такое чмо?!

Мужик с ревом бросился на него, словно разъяренный бык. Выставив вперед массивную голову, он попытался сбить легковесную жертву с ног своей массивной тушей. Однако Ник скользнул вбок – движение получилось быстрым и пластичным, как на дядиных тренировках – и поймал агрессора на противоходе, коротким рубящим ударом в колено отправив того на землю.

Здоровяк по инерции проехался несколько метров по платформе на брюхе, чуть не свалившись на рельсы. Чудом удержался на краю. Выматерившись сквозь зубы, с трудом поднялся на здоровое колено, чуть поколебавшись, вытянулся во весь рост и, хромая, двинулся навстречу Нику. Юноша спокойно ждал его на месте, оценивая нанесенный ущерб. К сожалению, ничего серьезного, мордатый счастливчик отделался ушибом да порванной на пузе рубашкой.

На этот раз мужик не спешил, шел нарочито медленно, внимательно присматриваясь к худосочной фигуре наглого мальчишки. Увиденное не внушало ни страха, ни опасений, такой дрищ ему не соперник.

– Иди сюда, жиртрест, научу тебя хорошим манерам, – Ник небрежно махнул рукой. – Нельзя обижать женщин.

– Это ты ей расскажи, – здоровяк кивнул куда-то в сторону.

Ник скосил глаза, не выпуская противника из поля зрения. Какой сюрприз! Чуть поодаль стояла мохнатая мутантиха Лариска и весело скалила свои не очень белые и не очень ровные зубы. Так вот кто привел этих гопников в квартиру! Мстительная гадина...

– Когда закончу с придурком, я вырву тебе весь мех, мутоябеда, – без тени улыбки пообещал ей Никита и целиком переключился на мордворота. Тот приблизился на опасное расстояние и немедленно ринулся в атаку. Ложный выпад – туловище его качнулось влево, рука и плечо дернулись, имитируя замах, но корпус тут же сместился вправо и последовал убийственный джеб в челюсть юноши. Вернее, в то место, где она только что находилась.

Двигался здоровяк неважно – ни скорости, ни резкости. Да и действовал вполне предсказуемо, так что Ник легко разгадал его немудреный замысел. Оставалось только поднырнуть под удар и поймать стокилограммовую тушу на встречный апперкот. Даже сил особых тратить не пришлось, мордастый сам налетел на услужливо подставленный кулак. И тут же с диким воем рухнул на бетонный пол.

Получать в пах бутылкой жутко больно, это Никита знал на собственном опыте. Что уж говорить об акцентированном ударе, да еще и в исполнении тренированного человека. Ему было почти жаль корчащегося на земле уroda.

Юноша склонился над поверженным противником:

– Больно тебе? Скорлупка не треснула? А то вылупится кто, и станешь первой метрошной несущкой.

– Никита, оставь его в покое! – это была Ольга. Все лицо в слезах, растрепанные волосы, светящиеся огнем глаза. «Что это за огонь? Ненависть? Отчаянная мольба? Я так и не научился тебя расшифровывать...»

– Ты променяла меня вон на ЭТО? – Ник не скрывал горечи. – На мешок с дерьмом!

«Мешок с дерьмом», не переставая скулить, попытался приподняться и встать на колени, но тут же получил ногой по лицу и свалился навзничь. Никита больше не сдерживал себя.

– Оля, посмотри на него? Это – будущее? Твой муж? Отец твоих детей? – он схватил здоровяка за отворот рубашки и притянул к себе. Губы на окровавленном лице что-то шептали, но слов не было, один лишь хрип. – Как же так?

– Ник, прошу, отпусти его, ради всего...

– Я еще не закончил. Твой женишок научился сегодня уважать женщин и никогда не поднимать на них руку. Дебил, кивни, если это так.

Сквозь слипшиеся от крови губы здоровяк что-то слабо пробормотал.

– Кивни, я сказал! – тычок в зубы помог раненому совершить верное движение головой. Мордастый кивнул.

– А теперь запомни, тварь, – Ник уже не говорил, он шипел от злости. – Нельзя топить гостеприимных хозяев дома в их же собственной ванне!

Ольга закричала, но удары по лицу ее жениха следовали один за другим, Ник не видел и не слышал ничего вокруг – есть только он и враг, покусившийся на *его собственность*.

– Истина номер три, финальная на сегодня. Никогда не трогай чужого, ублюдок! – кулак с треском обрушился на приплюснутый нос жертвы. Ник почувствовал, как хрустнул под костяшками хрящ, во все стороны брызнула свежая кровь... Все, теперь точно хватит.

Он поднялся, посмотрел на Ольгу шальными глазами берсерка. Безумие боя уходило, оставляя наедине... с чем? Ник еще не знал. Он не отрывался от Ольги, не мог отвести взгляда. Неужели на этом все закончится? Она уйдет со своим уродом на далекую станцию и навсегда пропадет из жизни. Глупо...

– Никита, Никита! – все обернулись на крик человека, бегущего с противоположного конца платформы. – Никита!

Это был парнишка-дозорный с западного поста. Кажется, Митя. Заметив Никиту, он бросился к нему, схватил за плечи, пытаясь что-то рассказать. Однако он настолько запыхался, что уже не мог говорить. Долгий кашель прервал слова, которые никак не могли вырваться наружу. Мите понадобилось полминуты, чтобы восстановить дыхание и с огромным трудом выдавить из себя:

– Твой дядя... там... в переходе... его убили.

Глава 5

Заказ

Ник сдвинул крышку сотового телефона, вытащил тонкий прямоугольный аккумулятор. Всмотрелся в цифры серийного номера, нанесенного на внутренней поверхности мобильного. Не все символы читались, многие утратили прежнюю четкость. Пришлось в очередной раз воспользоваться увеличительным стеклом и, сдерживая проклятия, восстанавливать номер буквально по миллиметрам. Каждую опознанную и дешифрованную циферку Никита аккуратно переносил в массивную тетрадь, а прямо сейчас заполнял строчку, обозначенную как: «пункт 43 мобильный телефон марки НТС, черного цвета, серийный №..., инвентарный №...»

Инвентаризация. То, о чем дядя всегда вспоминал со вздохом, с несчастным видом обещая самому себе и племяннику приступить к ней в ближайший понедельник, в крайнем случае, начать с первого числа следующего месяца. Ближайший понедельник проходил и становился прошлым, а потом и позапрошлым, первые числа месяца сменялись десятками и двадцатыми. Затем цикл повторялся вновь: обещание – ближайший понедельник – следующий понедельник – просто понедельник – первый день нового месяца – середина месяца – конец месяца – обещание...

Замкнутый волшебный круг, наконец, разомкнулся. Понедельники продолжают чередоваться с месяцами, лишь обещания давать больше некому.

Инвентаризация. Ник дошел до полусотни предметов, но витрина, засыпанная всякой дорогой мелочовкой, никак не желала довольствоваться двузначными числами. Сколько здесь всего? Сто наименований? Двести? Больше?

Юноша откинул опостылевшую тетрадь, уселся на принесенный из подсобки стул. Черт, какое на редкость тупое и нудное занятие! Понятно, чего дядя отрещивался от него. Открестился...

Какой прок в инвентаризации? Зачем и кому она нужна? Ник не знал, но раз дал самому себе слово закончить так и не начатое дядей, значит, придется выполнять. «Пункт 51, mp3-плеер Самсунг, цвет...»

В закрытую дверь магазина постучали. Нетерпеливо, настойчиво.

Кого там принесло? Ник ждал Евгения Александровича, того бойкого старичка, что задержал в прошлую пятницу вора. Постоянный посетитель вызвался самолично осмотреть место преступления, «раз уж местные сыскари ни черта не мыслят в этом деле». Однако старик никогда не долбил в двери с такой силой и энергией, его отличал неизменный такт и некая профессиональная, не утраченная на пенсии вкрадчивость. Кроме того, Евгений Александрович сейчас должен присутствовать на похоронах, вместе со всей остальной станцией. Тогда кто ломится внутрь? Один из тех неугомонных и непонятливых придурков, искренне убежденных в том, что Ник обязан присутствовать на прощальной церемонии? Возможно, даже толкнуть слезливую речь.

– Я не пойду туда, – голос сел, и слова прозвучали чуть слышно. Пришлось повторить громким тоном, не вызывающим ни сомнений, ни двойных толкований: – Я не пойду!

Стук не прекратился. Либо визитер был безнадежно глух, либо начисто лишен деликатности.

– Вашу мать! – не в силах больше терпеть этот нескончаемый долбеж, Ник с весьма однозначными намерениями отправился навстречу «дятлу».

Отпер замок, пинком распахнул дверь – с неудержимым желанием засадить его по физиологии нежданого наглеца. Наглец оказался прытким и успел покинуть зону поражения, а

массивная железная дверь со свистом пронеслась мимо, чтобы на излете своей нехитрой, зато геометрически верной траектории встретиться с безвинно пострадавшей стенкой.

– Добрый день! – визитер не выглядел ошарашенным или оскорбленным весьма него-степриимным жестом.

– Охренеть, какой добрый!

– Прошу прощения за бестактность, – для наглеца он изъяснялся чересчур вежливо. – Я пытался узнать, кого хоронят всей станцией, но на меня лишь тарасились, как на сумасшедшего, да презрительно шикали. Может, ты мне скажешь, по ком убивается весь местный люд?

– Вы за этим сюда ломились? – Ник вспыхнул. Он не любил панибратства и беспричинных переходов на «ты» от неизвестных персон. Что простительно для пожилых людей, которым он годился во внуки, то вряд ли можно извинить относительно молодому человеку, не отмеченному ни проседью, ни печатью прожитых лет. Гость выглядел от силы годков на пятьдесят – хороших таких пятьдесят, моложавых.

Не дожидаясь ответа, Ник потянул дверь на себя:

– Магазин закрыт.

– Малой, погоди! – мужчина успел засунуть ногу в щель между дверью и косяком. «Ну оборзевший тип!»

– Уважаемый, читай по губам. Повторяю специально для тупых и глухих, – юноша больше не церемонился. – Ма-га-зин за-крыт!

– Не гони лошадей, дело есть. На миллион патронов.

– Хоть на два. Ногу убери!

– Не получается разговор, – с грустью констатировал визитер, однако ногу так и не убрал. – Раз не помогают слова, переходим к бесстыдному подкупу.

Он извлек из-за пазухи ярко-красную картонную коробочку и протянул Никите:

– Это в качестве аванса.

– В качестве задатка, – автоматически поправил его Ник. Профессиональная торговая оговорка: задаток, в отличие от аванса, возврату не подлежит. Не все покупатели знают об этой тонкой грани и чаще всего не спорят. А постфактум выяснять терминологические особенности уже бессмысленно.

– Я думал, самый жадный народ в Метро – это ростовщики и бармены, однако антиквары, похоже, легко заткнут за пояс и тех, и других.

Юноша с интересом покрутил коробочку в руках. Крупная надпись на ней не оставляла сомнений относительно содержимого – антибиотик. Внутри оказалась пластинка с десятью продолговатыми капсулами. Богато!

– Неплохой задаток. Говори, чего хотел.

– Аванс, – гость продолжал настаивать. – Шикарный аванс.

– Ногу убери.

– Ну и молодежь пошла! – возмущению посетителя, казалось, нет предела. – Ладно, рвач, две таблетки в задаток, остальное аванс.

– Слушай, трудный дяденька, – проговорил Ник, устало и раздраженно, – магазин закрыт. И за две жалкие таблетки тебе его никто не откроет. За десяток я плюну на собственное дурное настроение и заставлю себя вытерпеть твое навязчивое общество в течение пяти минут. Одна минута – две таблетки, курс нынче такой. Иначе...

– Десять минут, и подавись...

– Не подавлюсь. Пять минут ровно. Заходи или вали.

Мужчина колебался секунд пять – поворчал, повздыхал, махнул рукой:

– Хрен с тобой, золотая рыбка!

– Что? Какая рыбка?

– Ничего, это фольклорное.

– А жаба? – внезапно вспомнил Ник. – Тоже фольклорное?

Визитер выглядел озадаченным. К неодобрению, с которым он смотрел на юношу после заключения непотребной сделки с антибиотиками, добавилось сомнение. В умственных способностях Ника?

– Я знаю двух былинных жаб. Одна после поцелуя превращалась в краснодевицу, другая – давила на грудь и отвечала за жадность. Тебя которая из них интересует?

Пока Никита вспоминал подробности недавнего разговора дяди с Евгением Александровичем, мужчина ответил за него:

– Судя по хваткам, тебя должна интересовать та, которая за жадность отвечает. Грудь-то не болит по ночам, тяжесть великая дышать не мешает?

Поняв, что разобраться с древней земноводной тварью ему не суждено, Ник благодарно и без особых сожалений эту идею забросил.

– Проходи.

– Вы очень добры, – съехидничал посетитель, но приглашением воспользовался.

Пока гость – теперь уже званый – недоуменно разглядывал творящийся внутри раздрай, Ник присматривался к нему самому. Солидный мужик, при деньгах. Хорошая одежда без следов ремонта, удобная и нестоптанная обувь, на правой руке часы – весьма красноречивый символ достатка, на шее крестик из какого-то белого металла, скромный, не кричащий, пальцы без «болтов» и наколок – еще один плюсики в личное дело. Теперь лицо: правильное и, как говорят, благообразное, внушающее доверие. Шрамов нет, значит, не военный и не сталкер. И точно не бандит – слишком интеллигентен. Не как ученый и иной «ботаник» в возрасте, скорее комерс. Из успешных. Следит за собой. Весьма ухоженная небритость, столь соблазнительная в глазах женского пола, но требующая постоянного внимания. Темные волосы аккуратно подстрижены и... «Оп-па! А виски-то подкрашены! Седает гражданин». – Ник похвалил себя за наблюдательность, старательно забыв о том, что чуть раньше отнес его в разряд молодежавых и «не отмеченных проседью».

– Чего с магазином? Слон лавками ошибся? – задал непонятный вопрос визитер.

Какая-то полузабытая идиома про слона крутилась в голове, но Нику уже хватило непоняток с приснопамятной жабой.

– Инвентаризация. Учет. Магазин закрыт...

– Да понял я, понял. Хоть бы присесть куда предложил за такой-то аван... задаток.

Ник бесцеремонно указал на пол, сам же вытащил из-под кассы песочные часы и поставил на прилавок.

– Время пошло. Пять минут. Уже без трех песчинок.

Посетитель шумно выдохнул и скорчил такую физиономию, что Нику вмиг стало все о себе понятно.

– Ты со всеми покупателями так? Можешь не отвечать. По делу: головняк у меня один есть. Вернее, появился. С утра. Ты знаешь, что это?

На прилавок рядом с часами лег продолговатый черный предмет.

– На головняк слабо похоже, скорее, на диктофон.

– Не умничай. Эту херню я обнаружил в своем сейфе, хотя сам ее туда не клал. Ни у кого другого доступа к сейфу нет. Интересно?

– Не особенно.

– А мне любопытно до крайности. Сначала решил, что это бомба. Типа, происки коварных конкурентов, врагов и прочих фашистов. Нажимаешь кнопку – и ага. На одном ухаре проверил, «агы» не случилось, но приборчик так и не включился. Не фурычит, зараза.

– Работающих раритетов днем с огнем не сыщешь. Аккумуляторы давно разрядились и сдохли. С батарейками та же история.

– Мне ОЧЕНЬ нужно послушать, что там записано. Ты думаешь, я зря все дела бросил и помчался через несколько станций к ближайшему технарю-антиквару?

– Ближайший, по всем раскладам, на Лесопарковой. Разве только ты мчался через уничтоженные станции, – ухмыльнулся Ник. Бульвар Дмитрия Донского был тупиковой станцией, в северном направлении все соседи – начиная с Анино и заканчивая Чертановской – в списках живых давно не значились. С запада же примыкала уже упомянутая Лесопарковая.

– Опять умничаешь? Там, говорят, не реставратор техники, а коновал криворукый. Хочешь, чтобы он мне единственную улику раскурочил?

Никита молча подивился нелестному эпитету в адрес конкурента – криворуким коновалом тот никогда не считался. С дядей, конечно, сравниться не мог, но и столь суровых обвинений не заслуживал.

– Ну, так что, малой, оживишь мне девайс по-быстрому? Оплата щедрая, на месте, все дела. Нехилый ава... задаток ты уже видел.

– Нет.

Гость выругался, коротко, но веско и красноречиво.

– Почему, черт побери? Цену набиваешь, рвач малолетний?!

– Потому что припоздал ты с заказом, дядя, – пропуская оскорбление мимо ушей, сказал Ник. – Сегодня хоронят «технаря-антиквара», которого ты искал. Это, кстати, ответ на твой вопрос «по ком убивается вся станция?»

– Мать! Мать! Мать! – визитер в сердцах бахнул кулаком по прилавку. К счастью, попал не по хрупкому стеклу, а по железному ребру. – Мать! Ну, что за непраха?!

Чтобы успокоиться, мужчине понадобилось минуты три, не меньше. Песок давно отмерил отведенную пятиминутку, но прерывать яростные стенания взбешенного посетителя Ник благоразумно не стал. – погоди, малой, – наконец обратился к нему мужик. – Это что получается? Плюсом ко всей мороке и облomu, я еще и упаковку «колес» просрал?!

– Задаток, что поделаешь.

– Слышишь, вымогатель хренов, реанимируй мне диктофон, дай послушать запись, и получишь... – гость задумался на секунду. – Не совсем по вашему профилю, но может заинтересовать... Пакетик специй. В герметичной упаковке, как полагается. Заманчиво, как считаешь?

Щедро, очень щедро! Старинные специи стоили баснословных денег, что и говорить. Ник и не стал говорить, только кивнул.

– Тогда по рукам. Три дня тебе даю. Я буду в ваших пикулях в четверг, надеюсь, сумеешь меня порадовать...

* * *

«Извини, дядя, но инвентаризация в очередной раз идет туннелем». Ник захлопнул тетрадь и закинул ее в черную дыру сейфа.

Раньше говорили «идет лесом», только кто нынче видел этот лес... «Я буду скучать по твоим смешным фразочкам и малопонятным старинным словечкам».

После похорон в магазин заходило несколько человек. Хороших человек, искренних. Они что-то говорили Нику – не успокаивали, это было бы глупо – просили обращаться к ним по любым вопросам, обещали во всем помочь. И делом, и советом, да и просто вниманием. Они не врали, не лицемерили... Хорошие люди. Вот только чем они могут помочь?

Никто не осуждал за то, что он не пошел на похороны, и за это Ник им был благодарен. А еще за слезы, которые хорошие люди не сдерживали. Сам он на людях не плакал, дядя бы этого не одобрил.

На платформе погасили свет. Закат подземного солнца вручную. Это *его* фраза, одна из многих. Красивая, хотя и горькая по своей сути.

Идти домой не хотелось. Огромная пустая квартира казалась чужой. Наверное, тоже осиротела, почувствовала себя одинокой и ненужной. Он – одинокий и ненужный, и она – одинокая и ненужная. Им теперь неуютно вместе, они напоминают друг другу об одиночестве и ненужности. Глупо, конечно...

Ник взял в руки диктофон, полученный от наглого заказчика. Поначалу он злился на него, а потом осознал чуть ли не с благодарностью, что непрощенный гость отвлек от тяжелых и безрадостных дум. Пусть ненадолго, но удалось переключиться на что-то иное.

«Дядя-дядя, ты бы в пять минут привел в чувства эту штуку, не то что твой оболтус-племяш», – Ник прислушался к себе, но самобичевание не принесло облегчения. А жаль.

Надо ложиться спать, завтра придется заняться дурацким заказом, и нет никакой уверенности, что он с ним справится.

Ник шел темным коридором, соединяющим магазин и квартиру, даже не включая фонарика. Зачем? Больше никто не пригрозит страшными карами за порванный костюм, да и какой смысл его вообще теперь надевать?.. Пускай себе пылится в шкафу до скончания времен.

Дядя умер, Ольга уехала... Нет смысла обманываться насчет Оли, она навсегда ушла из его жизни, точно так же, как и дядя. Их больше нет. Есть только Ник, один-одинешенек.

Юноша вздохнул: жалость к себе действовала не лучше самобичевания. То есть, никак. Как бы опустошить голову, прогнать все мысли и долго-долго не думать вообще ни о чем? Может, напиться?

Негромко звякнули ключи, тяжелая дверь отворилась, запуская внутрь квартиры младшего хозяина... нет. Теперь уже просто – хозяина. Так напиться или? Лучше «или»: лечь спать, провалиться в никуда и не быть целую ночь. Не быть – это хорошо, это то, что сейчас нужно. Только бы не видеть снов.

Ворочался в кровати он долго, блаженное «никуда» никак не хотело принимать его. Вспоминался вечер накануне похорон, когда Ник и попрощался с дядей. Без свидетелей, ненужных церемониалов и высокопарных речей.

– Привет, дядюшка! Мы никогда не обсуждали, как это будет, ты не любил говорить о смерти, так что мне пришлось решать все самому. Например, я передал похоронной команде твой любимый костюм. Сжигать такое сокровище глупо, знаю, но сжигать любимых людей гораздо глупее. И страшнее. Может, Костлявая, увидев такого красавца-мужчину в шикарном смокинге, поймет свою ошибку и...

Тогда он заплакал в первый раз. До этого держался, на что-то наивно и совершенно по-детски надеялся, но, увидев вместо любимого человека, полного сил и жизни, пустую оболочку, недвижимого мертвеца, слез больше не сдерживал. Все закончилось.

– Я положил во внутренний карман фляжку. Долго мучился, что в нее налить... Там виски, ведь его мы пили в тот день. Если увидишь ангелов, угости их настоящим скотчем охрнительной выдержки, им должно понравиться.

Это очень странно – улыбаться, когда скулы сводит от боли, а влага из глаз солью разъедает губы.

– А если встретишь черта, заряженный пистолет в боковом кармане.

В холодную, ставшую чужой ладонь Ник вложил монетку:

– Для Харона. Ты же сам мне рассказывал, что этот злобный таксист никогда не подвозит бесплатно. Наверное, у него на груди сидит огромная жаба... Как думаешь, я все нужное собрал в дорогу? Не ругайся сильно, если что забыл... И передавай привет гуриям.

Перед тем как уйти, Никита оставил последний подарок. Любимые солнцезащитные очки дяди, которые лежали без дела уже двадцать долгих лет. От чего защищать глаза в подземелье, где царит вечный вечерний полумрак?

– Говорят, там всегда светит Солнце... Легкого пути!

* * *

Утро не принесло ни облегчения, ни отдохновения – очнулся Ник совершенно разбитым. Сны мучили всю ночь, почти ничего не запомнилось, осталось лишь тяжелое, давящее ощущение приближающейся беды. Как будто она уже не заглянула в этот дом...

Видел Никита и дядюшку, тот шептал разными, не принадлежащими ему голосами, что-то про мертвого человека.

– Помню, дядя, помню, ты говорил про него в свой последний день. Только что это значит? Ты встретил собственную смерть? Я не силен во всей этой чертовщине. Нашепчи мне лучше, как починить треклятый диктофон. Клиент, похоже, крутой перец, не хотелось бы лажануться со своим первым самостоятельным заказом. Поможешь?

Разговаривать с самим собой – не лучшая затея, но что делать, когда поговорить больше не с кем?

Никите понадобилось всего полчаса, чтобы поставить диктофону неутешительный диагноз: неремонтопригоден. На самом деле, диагноз относился скорее к самому ремонтнику, который из всего спектра «реставрационных» работ владел лишь единственным приемом – прямым подключением питания, минуя давным-давно разряженные батарейки и аккумуляторы. Приборчик отказался функционировать даже после подачи электричества, что и предопределило его судьбу. Хотя бы в отдельно взятом антикварном магазине. Без дяди его не оживить.

– Вот тебе и первый заказ, – горестно заключил Ник, когда поток бранных слов иссяк окончательно. – Не потянуть мне этот бизнес. Распродам все запасы и подамся через годик-другой в местные забулдыги.

Юноша оценил открывающиеся перспективы и остался ими недоволен. Подаваться в забулдыги отчего-то совершенно не хотелось.

– Ну и что мы с тобой будем делать, мой неподатливый друг? – Ник крутанул лежащий на столе диктофон, и тот сделал несколько ленивых оборотов вокруг своей оси. – Нехорошо скрывать ценную информацию от людей. Что в твоей памяти, признавайся! Иначе буду пытаться: вскрыю тебя, выпотрошу и обратно фиг соберу, даже если сильно захочу. Есть у меня такой «талантик», дядя его патологической криворукостью называл.

Бесстрашный приборчик на угрозы не реагировал и тайнами по-хорошему делиться не собирался. Сволочь!

– Ах, ты так?! Упираться вздумал, кибальчиша включил! Ладно-ладно, считай, ты разбудил во мне зверя. Знаешь, что, а отнесу-ка я тебя на Лесопарковую. Там живет злой и страшный конкурент, известный на все Метро криворукий коновал. Он любит развязывать молчаливым электроприборам их механические языки. Это не человек, это настоящий луддит⁵, маркиз де Сад в мире машин.

Прежде чем решиться на нелюбезный сердцу вариант с передачей заказа конкуренту, Никита провел пару восстановительных процедур, больше похожих, по своей тщетной сути, на шаманские пляски с бубном. Увещевания и обращения к совести в принципе бессовестного диктофона результата также не дали.

⁵ Здесь: разрушитель машин и механизмов.

– Гад ты. Из-за тебя придется тащиться на другую станцию и позорно сдаваться на милость вражескому антиквару. Когда он вытрясет из тебя всю душу, надеюсь, ты отправишься в механический ад. Там всегда сыро, пыльно и...

Что «и» Ник придумать не смог, не хватило знаний о фобиях строптивой техники. В размышлениях о том, чего боятся неорганические собратья, он и отправился в путь.

Глава 6

Конкурент

Путешествие до Лесопарковой не считается ни опасным, ни тяжелым. Безопасный туннель без дурной славы. Изменит ли его репутацию смерть дяди? Вряд ли, убийство человека человеком давно уже никого не страшит. Бытовуха подземного ада, рядовое происшествие для мира, погрязшего в смерти. А то, что убийцу не нашли, так это тоже дело житейское, главное, чтобы не маньяк здесь завелся и не разбойник лихой. Но маньяки не пускают милосердную пулю в сердце жертве, им же потребно хорошенько поглумиться над беззащитным страдальцем, а грабители не оставляют на телах ограбленных весьма богатых трофеев. Значит, «в Багдаде все спокойно», кому-то просто не повезло. Последние двадцать лет с удачей вообще плохо...

Ник шагал быстро, смотря прямо перед собой в одну точку. Боялся опустить глаза и случайно заметить на земле пятна запекшейся крови. Или лужи? Это ненужное знание, что изменится, если он найдет место, где пуля лишила жизни самого важного человека? Ничего, человека больше нет. Дознаватели с Донской все обыскали, а если что и пропустили, обязательно найдет Евгений Александрович, старый следователь с полувековым стажем. Но его, Ника, не интересует география смерти.

Наверное, это был какой-то защитный механизм в сознании, блокиратор опасных *будущих* воспоминаний, но юноше не хотелось разбираться в причинах. Весь путь он проделал, ничего не видя вокруг себя. И его это вполне устроило.

На лесопарковом пропускном пункте как всегда царил оживление. Очередь из челноков, прочего торгового люда, а также обычных «ходоков» выстроилась нешуточная. Народ упорно шел бесплатным гейтом, не отличавшимся скоростью обслуживания. В ожидании менее прижимистых граждан, либо более нетерпеливых, простаивал так называемый «зеленый коридор», где за полдюжины патронов тебя встречали гораздо приветливей, а багаж досматривали на порядок расторопнее.

Ник по обыкновению направился к «мажорскому» гейту, но на полпути туда напомним себе, что в ближайшем будущем собирается совершить «головокружительную» карьеру забулдыги и, чтобы этот момент наступил как можно позже, стоит учиться экономии прямо сейчас. Короткий взгляд на длинную очередь привел к мудрому выводу, что менять привычки стоит постепенно (например, с понедельника, в крайнем случае, с первых чисел следующего месяца), не мучая организм напрасными стрессами.

С патронами расставался легко, ведь он платил за сэкономленное время и приличествующий его статусу комфорт. Быть собственником успешного (пусть временно) бизнеса значит принимать правила игры.

Самоудовлетворившись объяснением (дядины словечки, похоже, будут преследовать всю жизнь), Ник предъявил ненатурально любезному таможеннику свое нехитрое походное имущество – нож для самообороны, затушенный факел, нескромную горсть патронов и диктофон. Ничего криминального, все из дозволенных списков. Его попросили вывернуть карманы, снять обувь, предъявить именной жетон. Стандартная процедура, неизменная в течение многих лет.

Правда, в этот раз все закончилось не пожеланием счастливого пути, а очередными соболезнованиями по безвременно почившему родственнику.

«Вы очень любезны, спасибо, что ткнули в свежую рану» – но это про себя, а вслух с вымученной улыбкой:

– Спасибо. Я могу идти?

– Конечно, счастливого пути.

Родной Бульвар Дмитрия Донского никогда не отличался изяществом архитектурных форм и смелым дизайном, но Лесопарковая даже на его не особо выигрышном фоне выглядела ужасно. Гадкий утенок, даже не помышляющий стать лебедем. Теснота, грязь, шум и гам, очень условное освещение, на котором безбожно сэкономили, духота. Убогая архитектура недостроенной станции лишь подчеркивала унылый беспросвет этих мест. А ведь когда-то Бульвар ходил у Лесопарка в бедных родственниках! Теперь же дончане с нескрываемым злорадством объясняли упадок некогда зажиточных соседей карой за неказание помощи во время эпидемии 2021 года. Парк отказался делиться с Дмитрием Донским лекарствами, за что и расплачивается до сих пор.

Кто-то объяснял причины упадка экономико-политическими причинами, однако версия с заслуженной карой или даже проклятьем находила гораздо больше сторонников. Как бы то ни было, лучшие дни станции остались позади, и теперь она служила лишь перевалочным пунктом для транзитников. В тесном мирке, застрявшем на южной оконечности московского метрополитена и состоящем всего лишь из одной крупной общины – Ясневской – да горстки самостоятельных одиночных станций, Лесопарковой досталась незавидная роль нищесборки, целиком и полностью зависящей от более успешных соседей.

Конкурент квартировал где-то на отшибе, и найти его среди других мелких «торговых точек» (другого корректного слова для этих скворечников Ник подобрать не мог) оказалось не так-то просто. Впрочем, терпение и труд все перетерли, искомый магазин после недолгих мытарств был успешно обнаружен. Нечто под громким названием «Антиквариат от Ильича» более всего напоминал лавку старьевщика.

Не обнаружив внутри хозяина, Ник громко «постучал» по воздуху:

– Туки-туки!

Никакой иной стукабельной поверхности в помещении с картонными стенами не нашлось. Удручающее зрелище, особенно в сравнении с родным магазином.

Из-за прилавка послышался дребезжащий, похожий на старческий голос. Говоривший ловко и чрезвычайно нецензурно срифмовал Никитин стук. Получившийся образ оказался легко представимым, но совершенно нефизиологичным: ну не растет на брюхе упомянутый орган!

– Вы где? – юноша подивился цветастому приветствию (хорошо же здесь встречают гостей!), но виду не показал.

– То, что ты тупой, – заметно издали, – «невидимка» вздохнул. – Но что слепешарый...

Голос шел откуда-то снизу, Ник опустил глаза и, наконец, узрел хамоватого собеседника. Больше всего тот напоминал безбородого гнома или карлика. Но тоже безбородого.

– Слышь, папа Карло, давай-ка повежливее с клиентами? – Ник слыл начитанным мальчиком и в бранном разговоре не чурался козырнуть своими знаниями.

– Папа Карло, говоришь? Это что-то новенькое, – гном призадумался. – За оригинальность на первый раз прощаю. Но не вздумай помянуть при мне хоббитов...

– Это был бы неприкрытый подхалимаж, вот Голлум – более подходящий персонаж.

Полурослик рассмеялся, похоже совсем не обидевшись на сомнительное сравнение. Однако в маленьких его ручках возник неприятно поблескивающий скальпель. Колюще-режущая неприятность приковывала взор, так как все время находилась в движении – хозяйин лавки умело крутил ею между пальцев. Опасная ловкость, но завораживающая, в случае малейшей оплошности шаловливые крючкообразные пальчики с эффектным кровавым фонтанчиком посыплутся на пол.

– Умный, значит? А хочешь, воткну тебе Оркрист⁶ между ног, толкинист хренов?

⁶ Меч гнома Торина из романа Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно».

Как сказал вчерашний гость Ника, «разговор явно не клеился».

– Мир тебе и твоему дому, добрый человек, – тональность разговора пора было срочно менять, и Ник воспользовался более подходящей фэнтезийной формулировкой.

– Опять Толкин? – карлик насторожился, даже «Оркрист» перестал крутить в руке.

– Фиг его знает, – честно признался Никита. – Пререкаться надоело. Может, к делам перейдем?

– Говори, кто тебе рот затыкает. – Скальпель, наконец, исчез. – Кстати, ты вовремя подсуетился, сегодня у нас для тупослепых акция: купи полбинокля, вторую половинку получи со скидкой!

– Бинокля не надо, – юноша не оценил «гномоюмора». – Мне бы диктофон починить.

– Диктофон? А ты не глухонемой, случаем?

– Случаем нет.

– Жаль. Для этой братии диктофоны за полцены идут.

– Ильич, угомонись, пожалуйста, – Никита сдерживался, как мог. Уговаривал себя, что «нельзя обижаться на маленьких, пинать их под тощий зад, бить кулаками по нахальной роже». Да многое нельзя, особенно когда от борзого «малыша» зависит судьба важного заказа.

– Ильич в мавзолее, дурень ты непролазный!

– А вывеска? – Ник вспомнил аляповатое произведение сомнительного искусства с надписью «Антиквариат от Ильича».

– А вывеска – над магазином, – рожица карлика разъехалась в омерзительной ухмылочке.

«Издеваешься, кусок упыря... ты только выполни работу, а потом я так тебя отделаю!»

– однако угрозы стоило держать при себе, по крайней мере, пока.

– Значит, тебя не Ильич зовут?

– Нет.

Повторять вопрос о вывеске Ник благоразумно не стал, незачем заикливать процесс. Шутка про Оле Лукойе, вертевшаяся на языке, так там и осталась.

– Ну и плевать. Диктофон сделаешь?

– Нет.

Никита молча схватил полурослика за шкирку и водрузил хамоватого инвалида на прилавок. Их глаза, наконец, оказались на одном уровне. Глядя в эти маленькие, свинячие зыр-калки, он произнес медленно и отчетливо – так разговаривают с умственно отсталыми:

– Ты. Починишь. Мне. Диктофон.

– Нет, – уродец оскалился. Маленькая тварь веселилась от души.

Ник был хорошо воспитан: уважал старших, оберегал младших, ну и далее по списку. Но даже хорошо воспитанный человек не должен позволять другим смеяться над собой.

Юноша ударил просто, без размаха, но, видать, силу свою не рассчитал. Злость помешала. Хозяин лавки отлетел за прилавок, приложился затылком о заднюю стену (судя по звуку и останавливающей способности, она была сделана не из картона, скорее, из дерева) и, кулем свалившись куда-то вниз, затих.

– Карло! Ильич! Ты как там? Не ушиб тщедушные телеса?

Каким образом он успел среагировать на мелькнувшее в темноте лезвие, Ник и сам не понял. Рефлексы все сделали за него: рывок всем телом назад – чуть не дотянувшийся до цели скальпель блеснул в нескольких сантиметрах от бедра – и тут же, без подготовки, пинок с неудобной ноги. Не целясь, куда ты прицелишься впотьмах, зато точно в яблочко. «Меч» гнома со звоном упал на пол, а его владелец заверещал в такой невозможной тональности, что пришлось затыкать уши. Никита с большим удовольствием заткнул бы сам «громкого-

воритель», но решил ограничиться в насилии, по крайней мере на сегодня, и потому терпеливо ожидал, когда «сирена» замолкнет.

Карлик успокаивался долго. Визг сменился вздохами и стонами, стоны – проклятьями и бранью, а брань... Брань ни на что сменяться не желала. Поверженный хозяин лавки оказался весьма искусным и не знающим устали матерщинником. Пришлось пригрозить ему отобраным «Оркристом». Помогло.

– Ильич, давай начнем заново. Уважаемый мастер на все руки, не будете ли вы столь любезны, чтобы починить один кроошечный приборчик, известный в старину как диктофон?

Пришла очередь сдерживаться гному. Он с заметным усилием проглотил какую-то колкость, явно матерную, и не своим голосом выдавил:

– Что с ним?

– Вот бы знать... Точно не батарейки.

Со вздохом была похоронена еще одна словесная гадость.

– Хорошо, я разберусь. Двадцать патронов вперед, остальное по готовности. Приходи в конце недели.

– Вот тебе полтинник, – Ник кинул на прилавок мешочек с патронами. – По готовности получишь столько же. Приду через час. Лады?

– Какой ты шустрый... – хозяин поморщился, но деньгами не побрезговал, мешочек быстро переключал ему за пазуху. – Если понадобятся детали, полтосом не отделаешься.

– Как скажешь, ты ведь здесь подгорных дел мастер. И еще одно, на всякий случай. Я буду тут недалеко, если сквозанешь из лавчонки... – фразу Ник не закончил. Зачем портить негативом только-только налаженный контакт?

* * *

Обговоренный час Никита коротал в ближайшей едальне. Другого определения для этой «точки общественного питания» просто не существовало. Три стола, скученных вокруг невидимой оси, дышащие на ладан стулья, вместо столовых приборов нечто из разряда «хенд мейд по-лесопарковски»: шершавые палочки из неизвестного науке дерева, сплошь состоящие из заноз и зазубрин. Обслуживающий персонал насчитывал аж два человека – охранник-вертухай, зорко стерегущий вверенное столовое имущество, и бегунок-официант, безостановочно курсирующий между посетителями и неведомо где запрятанной кухней. Судя по замученному виду «гарсона», забеги он совершал нешуточные. Возможно, что кулинарили местные повара отнюдь не на станции, а (почему бы и нет?) в туннеле. «Экономика должна быть экономной», так зачем платить за аренду дорогостоящего пространства на куцей платформе, когда в проходах пропадает столько халявного места?

Где бы ни располагалась подпольная кухня, кормили здесь не так уж и плохо. Сушеные грибы, жареная крысятка – стандартный пищевой набор постъядерного человека. Однако приготовлено все с душой. Спасибо и на этом.

– Что такой молодой и красивый делает в нашей богом забытой дыре? – симпатичная чернявая девушка однозначной, немного потертой наружности неожиданно возникла перед его столиком и, сверкая глубоким декольте, подалась к нему навстречу. – Огоньком не поделишься?

– Молодой и красивый скучает в одиночестве, – Ник чиркнул зажигалкой. – Составишь компанию?

Услугами «жриц любви» юноша не пользовался принципиально: зачем платить за то, что интереснее и азартнее получить бесплатно, к тому же природная брезгливость здорово мешала насладиться прелестями «общественных» девиц. Однако за разговор денег не берут,

да и никакая постыдная зараза от вербального общения его драгоценному здоровью не угрожала.

Девушка, немедленно воспользовавшись приглашением, дважды опровергла его наивную мысль о безвозмездности общения:

– Угостишь меня чем-нибудь, прогоняющим местную тоску?

Дождавшись утвердительного кивка, красотка продолжила мелочные вымогательства:

– За три патрона я могу предсказать твою судьбу на ближайшие минут сорок.

Ник хмыкнул:

– Я прорицательствую аж на несколько часов вперед. Тридцать минут мы поболтаем с тобой о том о сем, затем, в течение еще получаса, закончу все дела «в вашей богом забытой дыре» и с чувством выполненного долга отправлюсь к себе домой, а там...

Девушка энергично мотнула головой, не дослушав Никитино пророчество:

– Это не предсказание, это намерения. Я провижу, что реальность разойдется с планами быстрее, чем ты думаешь. – Она протянула раскрытую ладонь. – Красавчик, не будь жлобом, оно тебе не идет.

В голове мелькнул целый ряд несимпатичных образов, начиная от «лоха», заканчивая «дешевым разводиловом». Но любопытство все равно победило.

– Держи, близорукая сорокаминутная Пифия, и ни в чем себе не отказывай!

Девица на издевку не отреагировала (скорее всего, тупо не знала, что такое «Пифия») и сразу же перешла к делу:

– Не очень умно появляться в этом захолустье в дорогой одежде, с полными карманами денег, и главное – без охраны. Тебя уже пасет троица гопов. Слева от тебя. Да не верти тыковкой своей пустой! Они трутся около книжной лавки.

– Познавательное. И что мне с этим откровением делать?

– Мотать на ус. В следующий раз понтуйся поменьше. Сегодня поздняк метаться, уже засветился. Дага с пацанами сладенького фраера с крючка не упустит.

– Дага? – Никита хохотнул. – Отличное имечко! Аж завидки берут. Ну, спасибо за трехпатронную науку.

Она собиралась еще что-то сказать. Например, предложить передать все имеющиеся вещички ей на «депозит» – под предлогом, чтобы добро не попало в руки гопников. Старая схема.

Он слушать не стал. Схватил проститутку за подбородок и грубо, совсем не поджентльменски притянул к себе.

– Значит, так, лярва драная. Передай своим дружкам: если хоть одна мразота дернется, переломаю загребущие руки по самые колени. Ясно, шаромыжница? Шипеть не надо, жало к чертям вырву. Башкой кивни, что поняла. Молодчинка. Теперь вали. А патроны верни, лажовая из тебя Пифия!

Настроение испортилось окончательно – вместо милой необременительной беседы ни о чем получилось... то, что получилось. Сначала выбесил карлик с мерзким характером, сейчас деваха, жадная до чужих денег. Что за народ! Ник не часто выбирался на Лесопарк, но впечатления с каждым разом становились только хуже. Хорошо, что основные дела велись не здесь – Битца и Ясневская община представляли собой более радостное зрелище, и народ там жил относительно вменяемый. «Бытие определяет сознание», кажется, так?

Гномий час еще не истек, однако испорченная шлюхой трапеза подошла к концу, и оставаться в едальне дольше смысла уже не было. Праздно шататься по дурной станции значит наживать себе на пятую точку новые приключения. В связи с тем, что дневной лимит насилия Ник посчитал для себя исчерпанным, никаких приключений сверх меры не требовалось. Придется потревожить Ильича на пятнадцать минут раньше срока.

* * *

Вернувшись в антикварную лавку, Никита застал благостную картину: высунув от напряжения язык, карлик с отрешенным от реальности видом колдовал над вскрытым диктофоном. Процесс настолько увлек его, что прихода гостя он даже не заметил. «Ну и ладно, не очень то и хотелось».

Убивая время, юноша осматривал выставленный на витринах конкурента товар. Ассортимент богатством и разнообразием не поражал, и этот факт вызывал у Ника законную гордость за собственный магазин, а также чувство глубокого и немного гадостного удовлетворения. Злорадство – сильная эмоция, что бы ни утверждали добродетельные лицемеры. И крайне приятная.

Несколько сотовых телефонов, дюжина плееров, камеры, фотоаппараты... Стоп! Объектив «Canon»! У Ника перехватило дыхание. Сразу же вспомнились слова дяди: собрав из нескольких составных частей единый комплект, можно здорово обогатиться! Объектив был частью некомплектного фотоаппарата, выставленного в их магазине! Так, а теперь еще раз стоп!

Успокоив внутри себя разбушевавшегося коммерсанта, заметившего богатую поживу, Никита шаг за шагом восстановил детали недавнего разговора. Про комплекты дядя рассказывал Евгению Александровичу, тому старичку-покупателю, что задержал воришку, который, в свою очередь, пытался стащить из магазина зеркальный фотоаппарат «Canon» без объектива. Вот она – картина мира! Очень-очень интересная картина. Мог ли мерзопакостный карлик «заказать» недостающую часть? Легко!

Никита внимательно осмотрел экспозицию. Рядом с объективом обнаружилась одноименная вспышка, набор запасных батарей, фирменная сумочка. Для полного счастья не хватало только штатива (но из-за своих габаритов он просто не поместился бы на витрине, вполне возможно, что пылится где-нибудь в гномичьих запасниках) и, естественно, самого фотоаппарата – жемчужины коллекции. А то, что это коллекция, было понятно по отсутствию ценников: ни один из экзотических аксессуаров не продавался. Вот так гномик, вот так сукин сын!

– Молодой, хорош шуметь, – хозяин лавки, наконец, заметил посетителя. – Не стой над душой, погуляй еще минут десять, я почти закончил.

На лице карлика Никита заметил весьма потешного вида круглые очки с толстыми, совсем не по хрупкой оправе, стеклами («ну и кто из нас слепшарый?»). Вернее, одним стеклом, вторая линза отсутствовала.

– Симпатичный у тебя монокль, – отметил Ник и безропотно покинул помещение.

Десять минут – срок вполне достаточный, чтобы обдумать неожиданную догадку и прийти к неутешительному выводу: мотив к преступлению, даже веский, не обязательно равняется самому преступлению. Для «конкретной предьявы», как выражались на этой станции, аргументов маловато. На более интеллигентной Донской сказали бы: «косвенных улик для обвинения недостаточно». Жаль, что от перемены формулировок смысл не менялся.

Взять карлика на понт? Сомнительная задумка, персонаж этот далеко не прост. Кроме того, раскрывать собственное инкогнито перед конкурентом было не с руки. Узнает тот, на кого работает, и точно пошлет по длинной песне. Обстоятельства же складываются таким гадским образом, что вскорости Ник будет ходить в эту лавочку, как на работу, другого реставратора раритетной техники в округе нет, не передал дядюшка непутевому племяннику хитрую науку.

Бизнес-план, конечно, полный ужас, но за неимением прочих... Несколько месяцев на аутсорсинге продержаться можно. Или это субподряд? Ник быстро запутался в древних терминах и остановился на более уместном определении: гном-на-паях.

– Время вышло, уважаемый мастер старинных таинств, несравненный кудесник секретной машинерии, незабвенный властелин механической...

Величавое красноречие Ника прервалось самым варварским образом:

– Слышь, паяц, меня Лукичом зовут.

– А как же Ильич? – нахмурился Ник, в очередной раз сбитый с толку. И, как полагается, второй раз наступил на те же грабли.

– А Ильич – в мавзолее.

– Тьфу, ты, Карлито!

– Лукич!

Никита сдался:

– Что с диктофоном... Лукич?

– Что с ним может быть? Принимай работу, готовь деньги, – гном протянул девайс. – Осторожно, провод не оторви.

Задняя крышка диктофона отсутствовала, из отсека с заранее извлеченными батарейками торчал длинный провод, конец которого исчезал под прилавком.

«Внешнее питание» – Нику хватило даже куцых знаний, чтобы сделать правильный вывод.

– Батарейки нужные подкинешь? Лучше восстановленные, но возьму и самопал.

– Не возьмешь, типоразмер там полный ахтунг. В нашей части метро такие не водятся. Ник знал это и сам, но ведь за спрос денег не берут.

– Жаль. Я включаю?

– Дерзай.

Юноша повертел приборчик в руках. Зеленый светодиод на внешней панели сигнализировал о том, что питание подается и раритет готов к работе. Но жидкокристаллический экранчик казался мертвым – ни свечения, ни мерцания.

– Экран накрылся пушным зверьком, без вариантов. Ты жми на «плей», не тяни.

Ник нажал.

– *...ица убивает, медленно, он никуда не торопится. Закрываю глаза и смотрю на собственные веки изнутри. Та же темнота, что и вокруг, но теперь она в плену моих век. Жаль, что кожа так тонка...*

Щелчок, кнопка «стоп». Странный голос. Мелодичный, тягучий и, в то же время, пронзительный... Женщина, молодая, даже девушка. Всего несколько слов, но они исполнены тревогой, бедой...

Ник встрепенулся, казалось, голос увел его за собой, аккуратно, почти нежно, но... Хватит, это чужие проблемы! Пусть заказчик разбирается.

– Спасибо, Лукич! Ты отличный мастер. Я искренне прошу у тебя прощения, – Никита все еще находился в каком-то непонятном состоянии. Потерянный, напуганный и, одновременно, возбужденный, готовый к действию. Знать бы еще, к какому... Подозрения насчет фотоаппарата и злокозненного коллекционера отошли на второй план, забылись, нужно было срочно возвращаться в реальность, чтобы перестать слышать странный голос в своей голове.

Гном, потрясенный переменой настроения невменяемого заказчика, осторожно пожал протянутую руку.

– Извинения извинениями, но про оплату не забудь.

– Конечно. Держи, заслужил.

Осталось решить последний вопрос – щепетильный и не совсем законный, вернее, совсем незаконный – и можно отправляться в обратный путь.

* * *

Проходить таможенный пост, имея при себе запрещенный предмет, – занятие крайне сомнительное. Если попасть на Лесопарковую не составило никакого труда, то покинуть ее... Ник заходил сюда честным человеком, а выйти пытался не менее честным контрабандистом. На этот раз он воспользовался общим гейтом – усталый и раздраженный таможенник гораздо предпочтительнее вежливого, но мающегося целый день от безделья вип-таможенника. Как учил дядя, усталость снижает концентрацию и притупляет внимание, скука же ищет развлечения даже в работе.

Ник не любил очередей, люди в больших количествах тяготили его. Люди озлобленные – а других в очередях не бывает – тяготили вдвойне. Однако чего только не вытерпишь, лишь бы избежать сурового, но справедливого наказания за «контрабас».

– Наркотики, оружие, запрещенная литература? – ничего не выражающий, пустой взгляд таможенника, равнодушный голос, раз за разом повторяющий заученный фразы. Робот в обличье человека, несчастная машина на службе, лишённой смысла.

Ник отрицательно помотал головой. Не нужно разговаривать, когда совесть нечиста, – голос, слова, интонации способны выдать. Против самого себя могут сыграть многие органы: бегающие глаза, дрожащие руки – лишь самые известные приметы лжеца. Напряженные мышцы (губ, щек, скул), скупая или, наоборот, чересчур оживленная мимика, подвижный кадык (естественно, только у мужчин), неестественные движения, капельки пота при совсем не жаркой температуре, пульсация крупных вен на лбу и шее, глупые улыбки невпопад – неопытный врун, боящийся разоблачения, всем своим телом сигнализирует об обмане. Искушенный лжец держит под контролем внутренних «доносчиков»: он еще не в силах с ними совладать, но скрыть наиболее ретивых правдолюбов-предателей вполне способен. Интриганы со стажем не выдадут себя ничем, эти парни умеют обуздать эмоции, страх и неуверенность. И только речь не подлежит укрощению и дрессировке, при любом удобном случае она сдаст тебя! Смотри в лицо, слушай голос: честные глаза, открытый взор, искренняя улыбка – неверные интонации, странный тембр, неподобающие обстановке темп и словесные обороты нарушат притворную гармонию, зрительный и звуковой ряд войдут в резонанс, и все, провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.